

ВАДИМ ПАНОВ

ИСКАЖЕНИЕ

ВСЕ МЫСЛИМОЕ – ОСУЩЕСТВИМО

Вадим Юрьевич Панов
Искажение
Серия «Магический
реализм Вадима Панова»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36083589

Искажение: Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-096464-2

Аннотация

...Истории, отражающие привычный мир в глади тёмной воды. Истории, в которых бьётся поэтическое сердце.

Истории, в которых мстит за сломанную жизнь несчастная ведьма, таинственный Портной создаёт невероятных существ, а страшное порождение Тьмы рыдает на могиле невинной девочки. Истории, в которых легенды обретают плоть реальности, а любовь побуждает к подвигу. Истории, в которых есть улицы Москвы и Санкт-Петербурга, призраки Севастополя и море, в отражении которого прячется само время. И Пророчество, исказившее Вселенную под аккорды русского рока.

Содержание

МАКАМ II	4
МАКАМ X	81
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Вадим Панов

Искажение

МАКАМ II

ЛЕТИ, МОЯ ДУША

*Лети, моя любовь,
И крови не жале́й,
Брызгами, струями,
Да в полнолу́нии я.
Брызгами, струями,
Да в полнолу́нии я¹.*

INGRESSO

Предательство.

Оглушительное. Жестокое. Беспощадно бьющее наотмашь...

Предательство.

Как можно его простить? Нужно ли прощать? Кому нужно? Тому, кто предан? Той, что предана? Зачем нужно? Что

¹ «Лети, моя душа», «Ночные снайперы».

сотворит прощение с растерзанной душой? Склеит? Соберёт по кусочкам? Вернёт «всё как было»?

Что сотворит прощение с чувствами? С теми, которые стали чёрным отражением самих себя и наполняют почерстевшую душу терпким ядом тьмы. С теми, которые шипят змеями и требуют: «Убей!» С теми, которые заставляют видеть только мрак...

Что сотворит прощение с болью?

Приглушит?

Сможет ли прощение утолить ту жуткую, режущую муку, заставляющую жалеть о том, что родилась?

Сможет?

Ведь душа опустела, а затем наполнилась невыносимым: болью, страданием, обидой... Наполнилась тёмным и неприятным, мерзким, как прикосновение к бородавке на остывшем трупе. И эта жуткая тёмная жижа, забурлившая в пустоте преданной души, заставила Ксану броситься по вечерним улицам прочь. Куда? Прочь. От кого? Прочь. Зачем? Прочь. Не было ни цели, ни плана, ничего...

Ничего вокруг не было, даже мира.

Только желание спрятаться, убежать от людей и особенно от того, кто сжёт её чувства на костре своей подлости.

«Борис, как ты мог?!»

Присланное видео заставило позабыть обо всём на свете, наплевать на дела и обязательства, ударило топором палача, и оглушённая Ксана побежала, а потом побрела по безлюд-

ной Смоленской набережной, роняя слёзы на равнодушные камни.

Горькие слёзы.

Пока – горькие.

Проклятое сообщение застало женщину в Пассаже, заставило покраснеть, потом побелеть и закусить губу, чтобы не закричать. Крепко закусить, до крови. Продавцы замерли, поражённые ужасной мимикой, и Ксане показалось, что все они – оба менеджера, помогавшие выбирать туфли, и кассир, – все они только что с удовольствием посмотрели проклятое видео и в глубине души потешаются над богатой, но обманутой женщиной. И встреченная на эскалаторе парочка – тоже посмотрела, поэтому они так улыбаются, глядя на неё... И охранник. И продавец кофе...

Все.

Все!

Все!!

Все посмотрели и все обсуждают: её, рогатую дуру, и его – умелого любовника.

Ксана выскочила из Пассажа, оттолкнув худощавого мужчину в дорогом костюме, побежала, куда-то повернула, потом ещё раз, оказалась в переулке, в каких-то дворах, переречёркнутых заборами и автомобилями, добралась до набережной, перешла дорогу – не видя ничего перед собой, заставила водителя проезжавшей машины резко затормозить и громко выругаться в окно, а затем свернула к Бородинскому.

Не специально. Она просто снова «куда-то» пошла. Вновь оказалась на проезжей части, вызвав очередную порцию ругани от водителей, поднялась на мост и остановилась примерно на середине. Замерла, оперевшись на парапет, некоторое время плакала, не отрывая взгляд от чёрной воды, затем достала телефон и вновь посмотрела видео.

И негромко завывала, проклиная всё на свете: и себя, и похотливого Бориса, и чувства, которые она к нему испытывала.

Предательство.

Что может быть хуже?

Что может быть страшнее?

На видео – довольное лицо девки, с которой Борис сейчас кувыркается в Париже. Его новая секретарша, гадина, появившаяся в офисе два месяца назад. На видео отчётливо слышны слова, которыми Борис ласкает любовницу – такие же слова он дарил ей... На видео – их стоны, смех...

Предательство – это унижение.

И потеря веры: в себя, в людей, в любовь. Вера сгорает в тёмном пламени, и приходит пустота, обращая всё вокруг в чёрное.

Окутанный ядовитым облаком мир падает в пропасть... Да и что он такое – мир? За что в нём стоит цепляться? Что пройдёт испытание временем и не превратится в жуткую боль?

Неужели мир – это боль?

И последовательное разрушение всего, что было дорого...
Ксана судорожно всхлипнула.

А в следующий миг накатило чувство невыносимого одиночества. К кому пойти с бедой? Кто выслушает и не запустит грязную сплетню? Кто окажется искренним? Подруг у Ксаны хватало, но сейчас она не хотела видеть ни одну из них. Гордость не позволяла. Она привыкла считать себя умнее и удачливее, становилась звездой любого общества, а рядом с Борисом засверкала в разы ярче. Их называли идеальной парой...

Предательство...

И теперь, когда Ксане отчаянно требовалось утешение, ей не к кому было обратиться: чужая грусть будет фальшивой, а поддержка – злорадной.

И молодую женщину окутал подлый страх. Страх нашёптывал, что выхода нет. Страх умножал вечерние сумерки до непроглядной тьмы. Страх заползал в душу и красил пустоту в чёрный цвет.

Страх знает, когда приходить, умеет выбирать время. Один на один страх побеждает всегда.

А Ксана была одна.

Сейчас.

В самый ужасный момент жизни.

Падая в пропасть...

Женщина вновь запустила на смартфоне проклятый видеоролик. Не хотела его смотреть. Не могла его не смотреть.

Горе кромсало душу Ксаны, но она не могла не смотреть.

На предательство.

На лёгкий дымок, вьющийся над костром, в котором сгорели надежды, мечты и планы...

На свою жизнь. Которая, как ей в тот миг показалось, закончилась.

Сейчас Ксана не представляла, что можно начать сначала, найти того, кто не обманет, и обрести с ним счастье – слишком уж её оглушило.

Смартфон скользнул из руки и полетел во тьму, сверкнув на прощанье безжизненным светом. Исчез тихо, без всплеска. Унёс проклятое видео, но оно осталось перед внутренним взором Ксаны.

Словно огненное клеймо.

Смартфон растворился в ночной воде, по которой ползли отражения московских окон, медленно тонущие во тьме. В холодной и злой тьме, которая туманом поднималась над рекой, подбираясь к женщине, обратившейся сгустком чёрного горя. Тьма зашептала нечто неразборчивое, но утешительное... обещающее... Тьма улыбалась мраком ночи и звала. Призывала... говорила, что нужно сильнее перегнуться через парапет, чтобы лучше слышать... чтобы разделить с ней вечное движение в ночи... чтобы...

Тьма не получила желаемого.

Потому что склонившаяся над рекой Ксана вдруг увидела не поверхность тёмной воды, а город в ней. Увидела Моск-

ву, меняющуюся с каждой рябью и каждой волной, свет фонарей, поднимающийся из глубины реки в дальнюю сферу неба. Увидела ночную тьму, стекающую со звёзд по лучам ворованного света Луны и обретающую силу нового мира. Увидела всё, что есть вокруг, но так, словно каждая капля реки отразила Вселенную, а Вселенная отразилась в ней и вернулась к себе. Увидела мир таким, какой он есть – сотканным из чаяний и горя, поступков и мечтаний, желаний и равнодушия, – увидела и поняла, что всё мыслимое – осуществимо. Увидела рассыпанные крошки бессчётных зеркал и поняла главное: всё, что можно представить – осуществимо. Увидела себя на мосту, робко тянущуюся к новому миру, и поняла, ЧТО может представить.

И осуществить.

И протянула руку к отражённой в реке Вселенной.

Ксану манила бушующая сила, связывающая миллиарды отражений в цельный мир. Сила необузданная, щедро смешивающая жизнь со смертью, а добро – со злом. Сила, отражающая себя саму, и от того несокрушимая.

Сила Вселенной, в которой есть и День, и Отражение. Но в тот момент, когда кончики её длинных пальцев коснулись тянущейся навстречу Тьмы и чёрное заструилось по жилам, подбежавший мужчина резко схватил Ксану за талию и рывком оттащил от парапета.

– Не надо!

– Не надо? – Молодая женщина невидяще посмотрела на

спасителя и кулачком ударила его в грудь. – Что вы делаете? Зачем?

Очарование грандиозной силы не отпускало, притягивало так, что на мгновение Ксана люто разозлилась на незнакомца, посмеявшего вырвать её из дивной сказки. Так разозлилась, что попыталась ударить, но мужчина перехватил тонкую руку и мягко, но крепко прижал Ксану к себе.

– Не надо этого делать.

– Что делать?

– Не надо.

Почувствовав чужое, но крепкое плечо, Ксана невольно успокоилась и прижалась к спасителю, помолчала, потёрлась щекой о чужой пиджак, вспомнив, что Борис терпеть не мог этого жеста, и глубоко вздохнула. Незнакомец почувствовал, что Ксана слегка расслабилась, и прошептал:

– Так лучше?

– Да, – не стала скрывать она.

– Что случилось?

– Ничего.

– Правда? – в его голосе скользнула едва-едва заметная ироническая нотка. Не удержался.

– Я уронила телефон.

Мужчина понял, что успел вовремя, понял, что Ксане стыдно за едва не случившееся, и решил помочь ей сохранить лицо.

– Вы уронили телефон и пытались его подхватить?

– Да.

– Вы поступили необдуманно.

– Это была случайность.

– Надеюсь.

Только сейчас Ксана разглядела машину, на которую, оказывается, она таранилась с тех пор, как незнакомец оттолкнул её от парапета. Чёрный «Ягуар» с включённой «аварийкой» стоял поперёк правого ряда: мужчина ехал по делам, увидел почти ушедшую за парапет Ксану, резко дал по тормозам и бросился на помощь.

И опоздал всего на пару секунд...

Потому что кончиками длинных пальцев Ксана успела сорвать из воды всё то зло, что в неё уронила. И даже больше.

Намного больше.

Потому что зло отразилось в чёрной воде.

– Подвезти вас?

– Не знаю... – Ксана отстранилась и нежно провела рукой по плечу спасителя. Не заигрывая – это был жест благодарности, и мужчина прекрасно понял знак. – Мне нравится гулять по ночам.

– И всё-таки я вас подвезу, – настоял незнакомец.

– Подвезите, – легко рассмеялась Ксана и кивнула на вставший на мосту «Ягуар»: – Иначе вас эвакуируют.

– Пожалуй.

Он подвёл молодую женщину к машине, распахнул дверцу, помог устроиться на пассажирском сиденье. Сел за руль,

выключил «аварийку» и медленно поехал по мосту.

– Куда?

– Вы ведь сами сказали – домой... – Ксана откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и улыбнулась: – В Лялин переулок.

И Тьма, которая поднималась от тёмной ночной воды, улыбнулась в ответ. Тьма не получила желаемого, но забрала больше.

Намного больше.

PUNTO

«Это был сон?»

Такой стала первая мысль Ксаны после пробуждения. Женщина резко поднялась, села посреди кровати, растрёпанная, в лёгкой ночной рубашке, прозрачной, как море в октябре, огляделась, машинально погладила не-смятую подушку Бориса и улыбнулась:

«Это был сон? Ведь правда, всего лишь сон? Страшный, отвратительный и мерзкий! Пожалуйста, пусть мой кошмар останется сном. Липким, как горькое варенье, гадким сном. А в действительности Борис меня любит, я люблю его и жду из командировки...»

Ксана крепко-крепко, как в детстве, зажмурилась, досчитала до десяти, одновременно молясь, чтобы её просьбу услышали, осторожно открыла глаза и огляделась. Как будто

что-то могло измениться. Как будто Борис должен был оторвать голову от подушки, улыбнуться, потянуться и ткнуть в её плечо сухими после сна губами. Тёплыми, любимыми губами. И тогда Ксану накрыло бы счастье. Простое. Человеческое. И очень-очень желанное счастье.

Но Борис не рядом...

Зато Ксана прекрасно выпалась и сейчас, убедив себя, что дурацкое видео и приключение на мосту оказались плодом разгулявшегося воображения, обрела замечательное настроение. Вспомнила, как перегибалась во сне через парапет, и следующую мысль, в общем-то, довольно мрачную, женщина высказала необычайно жизнерадостно:

– Меня посещают мысли о самоубийстве? Вот что бывает, если три дня ни с кем не спать! Пожалуй, в следующую командировку мы с Борисом отправимся вместе... – Она с наслаждением потянулась. – Он скоро вернётся, и мы вместе посмеёмся над моим кошмаром, потом он откроет подарок... Боже, я ведь должна придумать, что подарить ему... – А в следующий миг Ксана бросила взгляд на часы и с ужасом поняла, что время – одиннадцать, рабочий день в разгаре, и её ждут в офисе. – Я проспала! – вскочила с кровати и бросилась в ванную. – Боже, Боже...

«Почему не сработал будильник? Почему мне до сих пор никто не позвонил? Как получилось, что обо мне забыли?»

Но думать об этом некогда, потому что нет времени, нет, нет, нет совсем. Быстро умыться, почистить зубы и одно-

временно включить кофеварку, запустить приготовление кофе, принять душ, одеться, на завтрак времени не осталось, краситься придётся на светофорах, перелить кофе в кружку-термос, схватить сумочку и только затем задуматься: «Где телефон?»

Потому что в сумочке его не оказалось.

«На тумбочке?»

Однако проверить это предположение женщина не успела. Только она собралась скинуть туфли и добежать до спальни, как в дверь позвонили, и слегка удивлённая Ксана посмотрела в глазок. На лестничной клетке переминался молодой парень с пышным букетом белых роз в руках.

– Кто вы?

– Курьер.

– Я ничего не заказывала.

– Адрес ваш? – поинтересовался парень, назвав абсолютно верный адрес.

– Да... – протянула Ксана, а в следующий миг сообразила: «Борис! Милый, милый Борис! Ты решил устроить мне сюрприз!» И резким рывком распахнула дверь: – Входите.

– Ксения Викторовна? – уточнил тот, не переступая порог.

– Совершенно верно! – подтвердила женщина.

– Распишитесь, пожалуйста.

В нашем прагматичном мире даже романтика требует документального подтверждения. Ксана небрежно поставила

автограф и только после этого стала счастливой обладательницей роскошного букета и небольшой коробочки, завернутой в подарочную бумагу.

– Борис, милый, что же ты придумал?

Ксана положила цветы на полку, вскрыла упаковку и застыла, уставившись на коробочку с модным смартфоном. Которой прилагалось короткое послание, написанное твёрдым, уверенным почерком:

«Не знал, какую модель Вы предпочитаете, взял наугад. Больше не доставайте телефон на мосту. Герман».

Ксана коротко вскрикнула и тяжело прислонилась к стене, не спуская испуганного взгляда с дорогого подарка.

* * *

Ксане всегда было интересно жить: любопытствовать, искать, узнавать новое, удивляться самой и удивлять окружающих. Она считалась заводилой уже в детском садике, а в школе и вовсе «тянула» за собой класс, уговаривая друзей не сидеть на месте, а их родителей – отказываться от компьютера и дивана и тратить выходные на походы в театры, галереи, парки, выставки и поездки за город. Выступала на всех праздниках, а в шестом классе поставила в школьном театре пьесу, сыграв, разумеется, главную роль. Затем последовали другие постановки, и во всех Ксана блистала, принимая похвалу как должное. Но становиться актрисой не мечтала

– представления были для неё лишь одним из способов познания мира. Институт Ксана выбрала сама и привычно не ошиблась: профессия стала её увлечением, а не рутинным средством заработка. Ксана вкладывала в дело душу, и карьера стремительно пошла вверх, принося и профессиональное удовлетворение, и достаток. С личной жизнью тоже всё было в порядке: первая влюблённость в школе, первая любовь в выпускном классе, немного ветреных увлечений в институте... Ксана не отказывала себе в удовольствиях, но серьёзных отношений избегала, не находя в мужчинах нужной твёрдости, и так продолжалось до появления Бориса. Нельзя сказать, что она с первого взгляда поняла, что хочет за него замуж, но с Борисом было хорошо в постели, уютно по жизни, и за четыре года её влюблённость постепенно трансформировалась в другое чувство, которое Ксана опасалась назвать любовью.

А теперь и не назовёт.

Не сложилось...

На работу женщина не пошла. Позвонила с домашнего телефона и сказала больно́й. Затем позвонила Герману – послание было написано на визитной карточке, и поблагодарила за подарок. Разговор, естественно, затянулся и закончился назначением ужина. Сегодня в девятнадцать ноль-ноль. «Я за вами заеду, и мы отправимся в...» Выбор заведения показал отменный вкус Германа, а значит, нужно соответствовать. Ксана поставила новенький телефон загружать ре-

зервную копию, а сама отправилась в фитнес-центр, но не в зал, а в бассейн, параллельно размышляя, как испортить жизнь Борису. Вчерашняя истерика не вернулась, и молодая женщина обдумывала ответные шаги без надрыва и ненужной ярости – с простой, как десятирублёвая монета, холодной злостью.

Ксана с наслаждением погрузилась в освежающую воду и поплыла, рассеянно улыбаясь и кивая знакомым.

«Итак, что можно сделать? Выместить обиду на машине?»

«Мерседес» Бориса стоял во дворе и выглядел прекрасной мишенью: можно проколоть шины, поцарапать кузов, разбить стекло... К сожалению, двор просматривается видеокамерами, записи попадут в полицию, и за удовольствие придётся заплатить. Хорошо, если только деньгами.

«Тогда что? Порезать на ленточки его итальянские и английские костюмы? Спустить в унитаз коллекцию коньяков? Это мысль! Коньяк он обожает... Сжечь их старые фотографии и его документы? Тоже неплохо: пусть побегает, восстанавливая паспорт, водительские права и прочую бюрократию...»

Однако всё, что приходило в голову, не казалось по-настоящему интересным. Какая месть способна заполнить возникшую внутри пустоту? Что нужно сделать, чтобы позабыть об унижении и успокоить уязвлённое самолюбие?

Что?

Странно получается: и прощать нельзя, и мстить глупо...

Всё глупо...

После бассейна Ксана зашла в кафе, соблазнившись лёгким овощным салатом и бокалом белого, вернулась домой и принялась придирчиво выбирать платье. Не слишком откровенное, но не закрытое, не дерзкое, но намекающее, что она не против продолжения приключений, элегантное и привлекающее внимание. И таким же должен быть макияж: вечерний, неброский, зовущий, но не откровенный, зовущий одного мужчину, а не шеренгу самцов.

Макияж благородной дамы, которая не прочь пошалить.

На сборы ушло больше двух часов, и Ксана едва справилась к четверти восьмого. В прихожей задержалась, посмотрела на себя в зеркало, поправила жемчужное ожерелье, ласково обнявшее стройную шею, и улыбнулась. Ей понравилось увиденное: высокая брюнетка с длинными ногами и большой грудью. Нос чуть великоват, но Ксана давным-давно, ещё в школе, перестала переживать по этому поводу. Зато у неё полные, изящно очерченные губы и небольшие, но очень выразительные, притягательные, тёмные глаза. Правда, сейчас в них затаилась грусть, но Ксана сказала себе, что это ненадолго.

Нет, она не будет шумной или натужно радостной: учитывая обстоятельства, получится дичайший моветон. Она начнёт вечер несколько скованно, так что Герману придётся постараться увлечь её разговором, постепенно она заслушается и в какой-то момент одарит его своей знаменитой полуулыб-

кой, молотом сбивающей мужчин с ног. К концу ужина позволит себе рассмеяться. Один раз. Нужно будет правильно выбрать анекдот или весёлую историю...

«Только ни в коем случае не пошлый!» – неожиданно услышала Ксана, вздрогнула и отшатнулась. Не стала оглядываться, поскольку поняла, что голос идёт не из квартиры, а из зеркала. Которое внезапно стало окном в Отражение, в тот мир, что поднялся с тёмной глади реки. Мир, которому она выплакала своё горе и получила взамен силу.

И фразу произнесла она сама. Не отражённая, а она сама, стоящая перед окном в Отражение, спокойная и холодная. Сильная. Сказала с лёгкой усмешкой, прекрасно представляя встречу с Германом. Сказала, глядя на отражённую московскую ночь – таинственную, полную теней и страсти, глядя на тёмное небо, в котором начали проявляться необычные знаки...

Окно в Отражение получилось столь реальным, что Ксана не смогла сдержать изумлённого восклицания:

– Что происходит?

И в тот же миг видение исчезло. Зеркало стало прежним, и Ксана посмотрела на себя – на прекрасную молодую женщину в стильном шёлковом платье. Немного растерянную, но вспомнившую вчерашние приключения на мосту.

Все приключения.

Вспомнившая тьму, что поднялась с поверхности реки и прикоснулась к кончикам её пальцев... и проникшую

внутри... и зажѣгшую в душе чѣрный огонь...

– До чего интересно...

Ксана захлопнула дверь квартиры и легко сбежала по ступенькам на первый этаж. Как делала всегда, когда у неё было отличное настроение.

– До чего упоительно и странно!

Герман ждал у «Ягуара». Увидев Ксану, улыбнулся, протянул пышную, только распутившуюся розу, предварительно поцеловав бутон, произнёс обязательный комплимент, помог устроиться на сиденье, а когда автомобиль выехал на улицу, заметил:

– Вы словно светитесь изнутри.

– Я видела мир, в котором возможно счастье, – легко ответила Ксана.

– Ваше или вообще?

– Моё... – Она улыбнулась в ответ.

– Мир настоящий?

– Да... – Ксана не сбилась, просто задумалась на мгновение, припоминая свои чувства, и продолжила: – Может стать настоящим. – Перехватила быстрый взгляд спутника и покачала головой: – Нет, ни в коем случае – никаких наркотиков. А из алкоголя – бокал белого за обедом. Я просто... люблю помечтать.

– Настоящий мир не так плох, как порой кажется. Он сложен...

– Иногда жесток...

– Многогранен...

– Равнодушен...

– И никогда не знаешь, кто тебе встретится в следующий миг.

– Ангел или демон?

– Я – человек.

Ксана повернулась, внимательно посмотрела на Германа и кивнула:

– Хорошо, – помолчала, после чего продолжила: – Спасибо, что не стали расспрашивать о вчерашнем.

– Мне показалось, вы расскажете сами, – мягко отозвался мужчина. – Если захотите.

– Вчера мне сделали очень больно.

– Я рад, что оказался рядом.

– А я рада, что рядом оказались именно вы.

– Значит, у нас есть шанс.

«У нас?» Она вздрогнула.

– Шанс на что?

– Для начала – на хороший ужин.

Ксана вспомнила, как Герман поцеловал розу, и вновь улыбнулась. А когда он остановил машину у ресторана, неожиданно – и для себя, и для него, – потянулась и быстро, но нежно поцеловала его в щёку.

И прошептала:

– Это будет замечательный ужин.

В ответ Герман кивнул и на мгновение прикоснулся к её

щеке кончиками пальцев. Он не хотел торопить события.

Но оба знали, что события будут.

События предопределены.

И поэтому ужин не затянулся. Они не хотели наесться и уж тем более – напиться, не хотели уезжать с тяжёлой сытостью, поскольку знали, что вечер не закончится у подъезда, что они обязательно поднимутся к Герману и там, в прихожей, он нежно поцелует Ксану в шею и легко-легко, словно пёрышком, проведёт пальцами по её обнажённой руке. Ксана чуть сожмёт плечи, повернёт голову и чарующей полуулыбкой проводит соскользнувший на пол шёлк. Его дыхание станет горячим. Они призраками отразятся в тумане тёмного зеркала, и Ксана сожмёт кулачки, погружаясь в накачивающее наслаждение.

Когда остаёшься с новым мужчиной, всегда появляется некая осторожность и одновременно – желание показать себя с лучшей стороны. Иногда эти чувства вырождаются в неловкость, иногда – в развязность, но сейчас, стоя перед Германом в тончайших трусиках, Ксана не испытывала ничего, кроме приятной раскованности и ощущения приближающейся радости. Она откуда-то знала, что Герман окажется прекрасным любовником, и предвкушала дивную ночь.

И не ошиблась.

Расстегнула на нём рубашку, провела ладонями по груди, шее, посмотрела в глаза:

– Так и будем стоять в прихожей?

Её соски сморщились, то ли от холода, то ли от желания, а потом – от влаги, когда Герман коснулся их языком.

Коснулся именно так, как ей хотелось.

– Сейчас... – прошептала Ксана, откидывая голову. Мужчина разорвал белоснежные трусики, и ночь накрыла их с головой.

Время потеряло ход, а многочисленные зеркала отражали кипящую страсть, удесятерая силы любовников. Зеркала в прихожей и спальне, в ванной комнате и гостиной... Зеркала, в которых Ксана изредка видела не брошенную, униженную женщину слегка за тридцать, а дерзкую, желанную, ослепительную любовницу, способную и удивить, и доставить острое наслаждение опытному мужчине. Ксана видела себя новую, отражённую в зеркале горя, собравшую тьму с водной глади и прикоснувшуюся к миру, лежащему за пределами Дня...

Затем она понимала, что лежит в объятиях мужчины, готового ради неё на всё. Влюбившегося с первого взгляда и мечтающего быть рядом с нею всю жизнь. И тогда Ксана крепко-крепко прижималась к Герману, целовала, царапала, кусала и снова целовала...

Сходила с ума.

А потом, когда Герман отлучился в ванную, а Ксана достала из сумочки пачку тоненьких сигарет и раскурила одну, пуская дым к высокому потолку гостиной, она вдруг подумала, что именно сейчас, возможно, именно в эти минуты, где-

то в Париже кудрявый ходок Борис занимается любовью со своей белобрысой дешёвкой. В отеле, который она помогла ему выбрать. Отужинав в ресторане, где им доводилось бывать. Днём они гуляли, возможно, прокатились по Сене или поднялись на Эйфелеву башню, потом вернулись в номер и очутились в постели. Возможно, в той самой, где когда-то и они с Борисом занимались любовью...

Ксана скривилась от отвращения, не понимая, почему размышляет о сожителе после упоительных часов с Германом, а в следующий миг неожиданно представила, как девушку тошнит. В постели. В тот самый момент, когда пыхтящий Борис готовится заполучить своё удовольствие. Её тошнит замечательным ужином из дорогого ресторана. Тошнит прямо на Бориса.

Ксана представила это так явственно, что почувствовала кислый запах выделений, но не сморщилась, а рассмеялась. Громко и очень-очень весело.

* * *

– Всё хорошо? – спросил Борис, щёлкая зажигалкой. Потом вспомнил, что в отеле запрещено курить, тихонько выругался, затушил сигарету в бокале с вином и, поскольку не услышал ответа, повторил: – Всё хорошо?

– Да, – всхлипнула из ванной Виталина.

– Точно? Или опять мутит?

– Боря, честное слово: я пришла в себя. – Девушка вышла и остановилась в дверях. Растрёпанная, поникшая, с размазанной вокруг глаз тушью и очень-очень растерянная. Виталина тяжело переживала случившуюся неприятность и тряслась, не зная, что делать. – Прости...

– Не могла потерпеть? – мрачно осведомился мужчина.

– Всё так внезапно... я не хотела...

– Да уж...

Слово «внезапно» идеально описывало случившееся, но не могло передать пережитые Борисом ощущения.

Внезапно...

Они занимались любовью, очень неплохо, надо сказать, занимались, страстно, как всегда с Виталиной, но в тот момент, когда Борис уже готовился насладиться прекрасным финалом, а прыгающая на нём девушка резко задышала, показывая, что тоже близка к оргазму, Виталину... стошнило.

Стошнило!

Будто не могла сдержаться! Будто не могла вскочить и добежать до туалета! Даже это было бы лучшим выходом из положения, чем то, что она натворила: не сдержалась, не убежала, а честно извлекла из себя прекрасный ужин, включая бокал красного вина.

Бориса самого едва не вырвало. Он тоже отправился в ванную, первым привёл себя в порядок, вышел, брезгливо оглядел перепачканную постель, плеснул себе коньяка и плюхнулся в кресло. И теперь задал вопрос, который пришёл ему

в голову сразу после случившегося:

– Ты беременна?

– У меня только-только закончились критические дни, – всхлипнула Виталина. И напомнила: – Мы ведь специально высчитывали даты поездки.

– Ах, да... – он потёр лоб, припоминая, что девушка говорила о чём-то подобном. – Одевайся.

– Зачем? – удивилась Виталина.

И даже испугалась, решив, что он прикажет ей идти вон.

Но даже будучи в ярости, Борис не собирался заходить настолько далеко.

– Позвоню горничной, чтобы поменяла белье и матрас.

Или ты собираешься спать на этом?

Он небрежно махнул рукой на дверь в спальню.

– Нет, не собираюсь, – тихо ответила девушка.

– Тогда накинь халат.

Она хотела что-то сказать, но Борис поднялся, подошёл к бару, плеснул себе ещё коньяка и залпом выпил.

Ночь была безнадежно испорчена.

* * *

Ночь получилась превосходной, и Герман уснул, улыбаясь.

Поцеловал Ксану в губы, мягко провёл рукой по её плечу, прошептал: «Ты не представляешь, как мне хорошо», от-

кинулся на подушку, подложив под голову руки, пообещал дождаться, когда женщина выйдет из душа, но не сдержал обещания: глаза закрылись, и через пару секунд Ксана услышала негромкое сопение. Герман уснул, улыбаясь, и от его нежной, немного детской улыбки, женщине стало тепло.

Потому что улыбка предназначалась ей.

Страшный вчерашний вечер закончился поистине царским подарком – она познакомилась с мужчиной, рядом с которым хотелось быть. Рядом с которым хотелось жить. Которого хотелось целовать... прямо сейчас, спящего, нежно поцеловать, не разбудив и не потревожив, устроиться рядом и счастливо уснуть. Ей хотелось увидеть первый взгляд, который он бросит на неё утром и разглядеть в нём любовь.

Ни намёка на проклятое предательство.

Предательство...

– Он был достоин меня, – едва слышно прошептала Ксана, продолжая смотреть на спящего Германа.

Смотреть свысока, как на оправдавшего ожидания жеребца.

На самца...

Смотрела совсем не так, как минуту назад, потому что после слова «предательство» она как-будто стала другой – жёсткой и холодной.

Теперь Ксане не хотелось целовать Германа, ведь в конце концов они квиты – каждый получил то, что хотел, и не следует рассчитывать на большее. Нежность и ласки – это фан-

том, прикрывающий равнодушие и подлость. И как бы ни было хорошо сейчас, боль обязательно настигнет и порвёт душу, потому что мир соткан из боли. И зла.

И предательства...

Ксана бесшумно оделась, выскользнула из квартиры, не забыв прихватить связку ключей, и отправилась на Бородинский мост. На тот самый, где вчера рыдала от горя и даже хотела себя убить. Чтобы позволить Борису победить. Чтобы обрадовать его белобрысую шлюху, которую этот подлый самец сразу привёл бы в их квартиру...

Нет!

Убить себя из-за того, что мужик оказался похотливой свиньёй? Как глупо? Как пошло! Насколько нелепой выглядит эта мысль сейчас, благодаря...

Ксана хотела прошептать: «Герман, ты настоящий волшебник...»

Но сдержалась. Сейчас она твёрдо знала, что дело не в новом любовнике. Или не только в нём. Дело в ней – отражённой в собственном горе и пережившей его, прикоснувшейся к таинственному миру и пережившей прикосновение, изменившейся и познавшей силу.

– Я стала другой? – спросила себя Ксана, останавливаясь на середине моста.

И с холодной улыбкой ответила:

– Да.

Но как?

Всё началось с проклятого видео, свалившегося в мессенджер с незнакомого номера. Она никогда не открывала подобные сообщения, но небрежное послание: «Смотри, Ксана, какой Борис умелец», завершившееся похабным смайликом, заставило изменить принципам и открыть видео.

Затем пришло горе.

За ним – ярость.

Ксана думала, что время и встреча с Германом утешили её, но слово «предательство» всё изменило. Злость вернулась. Злость требовала выхода.

Женщина посмотрела вниз, на реку, и увидела на поверхности тёмной воды ресторанный зал. Борис улыбается, кажется, шутит. Белобрысая скалится в ответ. У них всё хорошо.

«А у меня?»

И в следующее мгновение гнев захлестнул Ксану с новой силой. Её тьма ударила в реку так, что ночная вода застонала, прогнулась едва не до дна и разбежалась долгими волнами, избивая набережный камень хлёсткими ударами. Её тьма заставила Москву-реку вздыбиться.

– А ты сильна, – с уважением произнёс подошедший со стороны Смоленской мужчина.

– Что вы имеете в виду? – не оборачиваясь, спросила Ксана.

Мужчина кивнул на реку:

– Вот это.

Несмотря на то что тёмная вода прогнулась под бешеным взглядом Ксаны и разбежалась, словно испуганно прячась, прямо под мостом продолжало дрожать изображение смеющихся за столиком любовников, и именно на него указывал мужчина.

– Ты это видишь? – удивилась женщина.

– Да, – коротко подтвердил незнакомец.

Он оказался высок, худ, но не тощ, с приметным, очень жёстким, по-птичьему жёстким лицом, чертами напоминающим ястреба – маленькие глаза, крючковатый нос, скошенный подбородок. И кисти рук напоминали птичьи лапы: пальцы узловатые, сухие, с длинными ногтями. Мужчина носил чёрный костюм и белоснежную сорочку. Туфли начищены до зеркального блеска. На левой руке – золотые часы. На правой – золотой перстень с крупным чёрным камнем, похожим на драгоценное надгробие.

– Если видишь, скажи, что это?

– Твой гнев.

– Я знаю.

– И твоё колдовство.

– Я стала ведьмой?

– Каждый из нас кем-то становится, – пожал плечами незнакомец. – Почему ты должна быть исключением?

– Не морочь мне голову.

– Хорошо, не буду.

Ксана не ожидала подобного ответа от человека с жёстким

лицом и подняла брови:

– Почему ты такой покладистый?

– Потому что сейчас ты опасна, – спокойно объяснил тот. – Ты не понимаешь своей силы и своего зла, а значит, способна сокрушить всех. Даже меня.

– Ты не сделал мне ничего плохого.

– Хорошо, – мужчина улыбнулся. У него была приятная улыбка, разгоняющая ястребиную жёсткость лица. – У тебя редчайший дар, Ксана: ты можешь представлять новые Отражения, изменяя те, которые видишь или придумываешь. Интересно, сумеешь ли ты его развить?

– Развить во что? – тихо спросила женщина, проводя указательным пальцем по холодному парапету моста.

– Вот и мне интересно, – не стал скрывать незнакомец. – Сейчас ты зла, и зло пробудило в тебе дар. Но месть способна его погубить.

– Кого «его»?

– Твой дар.

– Я до сих пор не понимаю, о чём ты говоришь.

– О той весёлой шутке, которую ты сыграла с Борисом этой ночью.

– Он в Париже.

– Где на него стошнило белобрысую подружку.

Несколько секунд изумлённая Ксана молча смотрела на собеседника, а затем прищурилась:

– Так было?

– Да.

– Виталину стошнило во время оргазма?

– Её рвало, как вулкан Эйяфьядлайёкюдль.

– Вулкан извергается.

– Тогда ты понимаешь, что я имел в виду.

Ксана вновь помолчала, обдумывая странные ответы, после чего поинтересовалась:

– Откуда ты знаешь, что Виталину стошнило?

– Ты этого хотела? – спросил странный мужчина.

– Да.

– Значит, так было, – незнакомец повернулся и посмотрел на успокоившуюся реку. – Ты меняешь Отражения, Ксана, приводишь их к тому виду, который тебе любезен – без заклинаний, что удивительно, вопреки всем правилам. Ты не колдуешь, а изменяешь мир силой своего желания, своего горя, своего зла...

– Хорошо.

– Возможно.

Женщина тоже посмотрела на воду, на Бориса, впихивающего в рот белобрысой девки ложечку с десертом, и скривилась:

– Что я могу с ними сделать?

– Всё, что захочешь.

– Могу убить?

– Можешь.

– И мне за это ничего не будет?

– Полиция не верит в магию, – теперь мужчина негромко рассмеялся. – К тому же девица и Борис в другой стране.

– Тогда убью, – решила Ксана. – Не хочу его больше видеть.

– Так быстро? – удивился незнакомец.

– Предлагаешь поиздеваться над ними?

– Почему нет? Ты ведь этого хочешь.

Ксана помолчала, прислушиваясь к чувствам, а затем призналась, что мужчина прав: она хотела долгой мести, хотела, чтобы любовники переживали, тряслись от ужаса и непонимания, хотела насладиться их страхом. Согласилась и вновь посмотрела на увлечённого созерцанием реки собеседника.

– Я люблю ночную Москву, – размеренно произнёс он, словно поняв, что женщина готова слушать. – Моя Москва – тёмная бездна, порождающая отражения тёмной бездны во всех Отражениях одновременно и забегающая даже в грядущее. Моя Москва пропитана энергией Ша, и её вечный круговорот повторяет жизнь под лучами украденного у Солнца света. Моя Москва обволакивает туманом, и его холод делает меня поэтом. Иногда я брожу по Москве и читаю ей стихи. Я болею, когда уезжаю, и наслаждаюсь, переступая московский порог. Бездна моя, Москва – единственная слабость, которую я себе позволил. Иногда я ловлю себя на мысли, что хочу убить всех, чтобы никто не мешал мне наслаждаться Москвой...

– Вообще всех?

– Дворников придётся пощадить.

И Ксана вновь услышала смешок, полетевший в темноту реки. Но не сделавший её темнее.

– Ты знаешь моё имя, а я твоё – нет, – сглотнув, произнесла она.

– Называй меня баал Гаап, – ответил мужчина. – Называй с уважением.

– Баал – это имя?

– Титул. И ты должна говорить «вы».

– Почему?

– Потому что титул – это власть.

– Надо мной?

– И над тобой тоже.

– Я ничего не знаю о твоей власти.

– Ещё узнаешь, – пообещал Гаап.

– В чём моя сила?

– Внимание.

Он поднял указательный палец, и замолчавшая Ксана услышала рёв приближающегося со стороны Кутузовского авто. И сирены. Судя по звукам, владелец мощного автомобиля пытался уйти от полицейского преследования.

– У тебя мало времени, – деловито сообщил Гаап.

– Для чего?

– Ты слышишь звук, который издаёт спортивная машина, разогнанная до последнего предела. Она несётся со скоростью триста километров в час и ни в кого не врезалась лишь

потому, что сейчас глубокая ночь.

– Какое отношение машина имеет ко мне? – чуточку нервно спросила Ксана. – Пусть летит дальше.

– Мой автомобиль окажется на её пути, – Гаап указал на чёрный «Бугатти», небрежно припаркованный поперёк полосы.

– Откуда он взялся? – не сдержалась Ксана. Она была уверена, что баал явился на мост пешком.

– Неважно, откуда он взялся, – рассмеялся Гаап. – Важно то, что сейчас лихач ещё больше увеличит скорость.

На Дорогомиловской заблестели фары.

– Но с Бережковской выскочат полицейские, лихач увидит их, попытается объехать по «встречке», не справится с управлением и врежется в мою машину.

– Надеюсь, она застрахована, – попыталась пошутить женщина.

– «Бугатти» подпрыгнет, перевернётся в воздухе и обрушится на нас, – закончил Гаап. – Ты застрахована?

– Нет.

– А следовало.

– Я не хочу погибать под твоей машиной.

Он согласно кивнул и очень спокойно сказал:

– Тогда вернёмся к началу, Ксана: у тебя очень мало времени.

Женщина резко повернулась и убедилась, что события развиваются в точном соответствии с предсказанием. Призе-

мистый спортивный автомобиль стремительно приближался к мосту. Слева появились полицейские...

– Что я должна...

И замолчала, ибо поняла, что должна.

Должна представить.

Как приземистая «Ламборджини» отворачивает чуть раньше, чем предсказал Гаап. И чуть резче. Должна представить, как автомобиль заносит, крутит по мосту и как «Ламборджини» влетает в столб. Не в «Бугатти», а в столб.

И взрывается.

На противоположной от наблюдателей стороне моста. Не причинив вреда ни им, ни дорогой машине баала.

– Ой! – Ксана отшатнулась, «поймав» взрывную волну, но на ногах устояла и не сдержала восклицания: – Ух, ты!

Разглядывая падающие на асфальт обломки «Ламборджини».

А затем перевела взгляд на Гаапа:

– Это я его убила?

– Он бы всё равно не выжил, – равнодушно ответил тот. – Только перед смертью ещё и нас погубил бы.

– Врёшь, – убеждённо произнесла женщина.

– Вру, – не стал спорить баал. – Мы бы прыгнули в воду...

Но мне стало жаль «Бугатти».

– Забыл застраховать?

– Не хотел огорчать друзей, у которых взял его покататься.

Ксана поняла, что слышит шутку, и улыбнулась.

– Мы стали свидетелями?

– Полицейские нас не увидят.

– Почему?

– Я так сделал. – Он посмотрел на часы. – Когда захочешь поговорить, приходи сюда и отыщи мою метку, я оставил её для тебя. – Гаап надавил на парапет большим пальцем левой руки, резко оторвал его, показав Ксане вспыхнувшую и тут же растаявшую огненную печать, и в одно мгновение исчез. Вместе с машиной. Только что был, а стоило молодой женщине моргнуть глазом – исчез. Прошелестев напоследок:

– До встречи.

Ксана задумчиво посмотрела на горящий «Ламборджини», на подъехавших к месту катастрофы полицейских, пожала плечами и неспешно направилась к набережной Шевченко.

Ей хотелось поцеловать Германа, прижаться к нему и уснуть.

* * *

Ночь Виталина провела ужасно. Пока горничные приводили номер в порядок и меняли бельё, она мышкой сидела в углу, когда они закончили – не пошевелилась, позволила Борису уснуть – он не предложил девушке присоединиться, заперлась в ванной и разрыдалась. Но тихо, очень тихо, боясь потревожить любовника. Рыдала, выплёскивая страх – в ка-

кой-то момент Виталине показалось, что взбешённый Борис её выгонит, рыдала, жалея себя за то, что вынуждена спать с этим стареющим павианом, подкрашивающим кудрявые волосы, хвастающимся дружками из правительства и обожающим хихикать над «моей душой», постоянной подругой, которая не догадывалась о его шашнях с секретаршами.

В завершение рыдала просто так, потому что настроение. Остаток ночи провела на самом краешке кровати.

Однако утром Борис ни словом не обмолвился о неприятных событиях, и день они провели, как планировали: побродили по Лувру, потом по набережной, забрались в старые кварталы Парижа, где и пообедали, заглянули на остров Ситэ, несмотря на то что к собору Парижской Богородицы Виталина таскала Бориса ещё в первый день, снова гуляли, вернулись в отель, переоделись и отправились ужинать в ресторан на первом этаже – Борис сказал, что устал и не хочет никуда ехать.

И за ужином он окончательно подобрел и выбросил из памяти вчерашний инцидент. Борис много и остроумно шутил, смеялся, на вино не налегал и всем видом давал понять, что настроен получить этой ночью то, чего лишился вчера. Виталина подыгрывала, как могла, мечтая побыстрее покончить с едой и затащить любовника в постель, но тот отказался уходить без десерта и бокала сладкого вина.

Борис подозвал официанта, взял меню, изучил нужную страницу – к счастью, предусмотрительные владельцы заве-

дения снабдили каждое предложение фотографией, и выбор не отнял много времени.

– Десерт, – сообщил Борис, переводя взгляд на официанта.

– Десерт? Прекрасно! – заученно улыбнулся тот. – Что именно на десерт?

– Мороженое. – Борис ткнул пальцем в нужную картинку. – Три шарика.

– Три порции?

– Одна порция! – Борис понял, о чём спросил официант, и поднял указательный палец. – Одна!

– Одна порция, – кивнул тот. – Для дамы?

Виталина решила, что пережитые страдания заслуживают тирамису, но заказать не успела. Едва девушка ткнула пальцем в изображение пирожного и произнесла:

– Я хочу...

Как официант страшно захрипел, побледнел, пошатнулся, вцепившись рукой в край стола, выронил блокнот, резко рванул воротник рубашки, снова захрипел и повалился на колени белокурой красавицы, глядя на Виталину выпученными, словно у рыбы, глазами.

Словно у засыпающей рыбы.

Зал ресторана огласил дикий вопль перепуганной девушки.

Громкий, протяжный крик.

Ксана не ожидала, что издаст его, хотела ограничиться стоном, но не сдержалась – Герман сегодня был чрезвычайно хорош. Ксана закричала, заколотила кулачками по его груди – в это мгновение она была сверху, – затем откинулась назад, несколько раз дёрнулась и лишь потом, обессиленная, упала рядом с мужчиной.

Несколько секунд любовники жадно дышали, а затем Герман, продолжая смотреть в потолок, произнёс:

– Ты великолепна.

– Мне хорошо с тобой, – прошептала в ответ Ксана.

Тоже не глядя на мужчину.

– Когда ты рядом, я забываю обо всём на свете.

– Когда ты рядом, мне не нужен свет.

Герман приподнялся на локте и посмотрел женщине в глаза.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – в тон ему ответила Ксана, не отрывая щёку от подушки.

Он улыбнулся уголками губ.

– Любовь – это наши чувства, Ксана, твои и мои, а не наши биографии.

– Ты действительно так думаешь?

Герман нежно взял женщину за руку, поднёс к губам ладонь и поцеловал.

– Я был женат, Ксана, у меня было много подруг, но никогда раньше я не испытывал такого фонтана чувств, как с тобой. Иногда мне кажется, что я сплю, заснул за рулём, выехав на Бородинский мост, и то чудо, которое там произошло – чудо нашей встречи, и те чудеса, что случились потом, всего лишь видятся мне... Я этого боюсь, Ксана. Я хочу, чтобы всё было настоящим. Я счастлив от того, что задержался на работе и отправился домой на два часа позже обычного. Я счастлив от того, что встретил тебя...

– Я стояла на краю, – тихо, но очень твёрдо произнесла женщина, отвечая на взгляд Германа. – Ты это знал, но я должна сказать.

Он вновь поцеловал Ксане ладонь.

– У всех бывают трудные дни.

– Ты не испугался подойти.

– Я бы подошёл к кому угодно, потому что тому, кто стоит на краю, нельзя оставаться одному. Но увидев тебя, понял, что мне повезло.

Ксана слушала, улыбалась и с трудом верила, что не спит. С трудом верила, что не придумала встречу с этим бесконечно любящим её мужчиной, воспользовавшись своей новой силой.

«Вдруг я его приворожила? Затуманила разум? Или он просто плод моего воображения?»

Несколько раз Ксана набиралась смелости и пыталась прогнать видение, развеять колдовские чары, но... Герман не исчезал. И даже расставшись на день, она ощущала его присутствие.

В мире.

В городе.

В своей душе.

И когда Ксана думала о Германе, её новая, холодная сущность пряталась, несмотря на огромную силу. Пряталась, но не исчезала, терпеливо выжидая своего часа и зная, что он обязательно придёт.

Но Ксана думала, что победила...

Она была счастлива.

Сегодня Герман позвонил в полдень, сказал, что соскучился. Потом – в четыре пополудни, спросил, где она хочет ужинать. Ксана выбрала заведение, умчалась с работы пораньше, переделалась, привела себя в порядок, с радостным нетерпением дождалась появления Германа, а после ужина убедилась, что костёр их страсти только начал разгораться. Несколько часов блаженства пролетели, словно один миг, и сейчас утомлённые любовники наслаждались простыми прикосновениями друг к другу.

– Поедем в отпуск? – неожиданно предложил Герман.

– Сейчас? – улыбнулась Ксана.

– Если паспорт с собой – можем и сейчас, – молниеносно среагировал мужчина. – Чем меньше задумываешься, тем

лучше.

– Ты романтик.

– Я становлюсь им рядом с тобой.

– А в обычное время?

– В обычное время я довольно жёсткий дядя, – не стал скрывать Герман.

– У тебя есть дети?

– К счастью, не обзавёлся.

– Почему, к счастью? – не поняла Ксана.

– Потому что я совсем недавно нашёл женщину, от которой хочу детей, – он рассмеялся. – Но алименты бывшей я всё равно плачу.

– Живёшь насыщенной жизнью?

– Обещаю в отпуске рассказать о себе всё.

– Сегодня не получится, – улыбнулась Ксана. – У меня нет с собой паспорта.

– Хорошо, не сегодня, – Герман провёл рукой по её волосам. – И ещё я подумал, что неправильно дарить женщине телефоны.

– Вернуть?

– Ни в коем случае. – Он взял её за руку и надел на палец кольцо, которое достал, кажется, из-под подушки. – Решил сделать правильный подарок.

Изящное украшение с небольшим бриллиантом.

– Я заметил, что тебе нравится белое золото.

– Красивое... – Ксана полюбовалась на подарок, отставив

руку в сторону, и улыбнулась: – Надеешься, что окольцевал?

– Ещё нет, но я над этим работаю.

– У тебя получается.

Ксана поцеловала Германа в губы, вновь улеглась рядом и прижалась к его плечу.

– Я тебя окольцую, – пообещал мужчина.

Она счастливо улыбнулась, но промолчала.

Закрыла глаза и почти сразу уснула.

С улыбкой на губах.

* * *

Финал поездки получился отвратительным.

Два последних дня, а точнее – два последних вечера, перечеркнули всю прелесть «командировки» с молоденькой секретаршей. Сначала Виталину стошнило в постели, и ладно, если бы во сне, а то ведь во время занятия любовью! В самый разгар! А только Борис успокоился и собрался сделать их последнюю ночь в Париже незабываемой, как случилась смерть в ресторане. Проклятый официант не нашёл ничего лучше, чем умереть на руках Виталины, в прямом, будь он проклят, смысле слова, и девушка, естественно, впала в натуральную истерику. Да и кто бы не впал, на самом-то деле, когда прямо на тебе уходит в мир иной незнакомый мужчина? Или знакомый. Главное – уходит. Хрипит, дёргается, холодеет...

Самого Бориса зрелище смерти повергло в ступор, а завизжавшая Виталина и вовсе, как показалось, собралась последовать за официантом, во всяком случае, бледностью и выпученными глазами девушка от него не отличалась. Вернувшись в номер, она наглоталась таблеток и проснулась лишь за час до отъезда. Безжизненная, словно подхватившая чуму кукла, Виталина кое-как собралась и кое-как потащилась за недовольным любовником, промолчав всю дорогу из отеля до Москвы. Пограничники и с той, и с другой стороны дружно сочли, что девушка перебрала с определёнными веществами, багаж досмотрели тщательно, но ничего не обнаружили.

В Шереметьеве Борис с удовольствием избавился от спутницы, взяв Виталине другое такси, хотя изначально планировал ехать на одной машине по двум адресам, и помчался в Лялин переулок, рассудив, что нет худа без добра: накопленный во время двухдневного воздержания пыл не позволит Ксане заподозрить неладное.

– Дорогая, я дома! – крикнул Борис с порога, даже не хлопнув дверь.

– Наконец-то!

Ксана вышла в коридор, и у мужчины перехватило дыхание: королева. Конечно, возраст есть возраст, Ксана не могла похвастаться свежестью, но как же, чёрт возьми, она хороша в чёрном пеньюаре, подчёркивающим соблазнительные округлости!

– Мне кажется, или ты сделала мне подарок? – сглотнув, спросил Борис.

– Подарок? – удивилась Ксана.

Ему показалось – притворно.

– Твоя грудь, – он сделал шаг, но вновь остановился. – Она стала больше.

Борис едва сдерживался, чтобы не проверить догадку на ощупь, и лишь пожирал подругу глазами.

– Хм-м... – Ксана с удовольствием посмотрела на своё отражение и вдруг поняла, что любовник прав: больше. Не намного, но заметно. Вот почему бюстгальтеры стали казаться тесными! Грудь стала не только полнее, но и более упругой. А ноги избавились от щепотки накопившегося за последние годы жирка...

«Но почему Герман ничего не сказал? – спросила она себя и тут же ответила: – Потому что Герман не видел меня до моста».

В памяти появилась Тьма, поднимающаяся от ночной воды. А затем – ощущение горя, память о том неистовом горе, которое привело Ксану на мост и едва не сгубило. И снова – Тьма.

Беспросветная Тьма.

«Я меняюсь...»

Отражение незаметно подмигнуло в ответ.

Но пока следовало продолжить игру.

– Тебе нравится? – с улыбкой поинтересовалась Ксана,

слегка отводя плечи назад.

Пеньюар приготовился лопнуть.

– Ты даже не представляешь, как, – с необычайной искренностью ответил Борис, с вожделием пялясь на её новую грудь. На соски, таранящие изнутри тончайшую ткань.

– Прекрасно... – Ксана подошла ближе. – Я соскучилась.

И Борис, наконец, вцепился в неё, демонстрируя ту самую страсть, которая некогда сводила Ксану с ума. Вцепился яростно, показывая, что тосковал на чужбине. Прижал женщину к стене, зацеловал, уделяя особое внимание новой груди, подхватил на руки и едва услышал негромкое предложение:

– Давай начнём в ванне?

Понял, что Ксана права – ведь он полдня был в дороге, – отнёс женщину в ванную, заметил свечи, фрукты, бутылку вина, поблагодарил Ксану особенно крепким поцелуем, сорвал с себя одежду и...

В их прекрасной ванне плавал официант с вытаращенными, будто у мёртвого мопса, глазами. Борис с трудом удержался от восклицания, потряс головой, прогоняя видение, понял, что призрак исчез и ванна выглядит так, как пару секунд назад, и... и ещё понял, что вожделие его оставило. Бесповоротно.

– Устал? – нежно спросила Ксана.

Но в её голосе мужчине почудились – или не почудились – злорадные нотки.

– Слишком долго был в пути, – вздохнул Борис. – Надо принять душ.

– Конечно, дорогой. Я пока наполню бокалы.

Ксана отвернулась, Борис открыл шкафчик, достал голубую пилюлю – ему уже несколько раз приходилось пользоваться ими, – и запил водой, которую Ксана принесла вместе с вином. Женщина стояла спиной, поэтому Борис не увидел появившуюся на её лице улыбку – Ксана знала, что таблетка не поможет.

– Ты не против, если я подожду тебя в ванне?

– Конечно... – Он кашлянул. – ...не против... – Борис замер, жадно наблюдая за тем, как любовница сбрасывает пеньюар и наклоняется, осторожно опускаясь в воду.

«Грудь точно прибавила... Но когда успела? И задницу подтянула... Или я забыл, как выглядит её попочка?»

Новая фигура сводила с ума, однако пыл отказывался возвращаться. Борис скривился, пожелав таблетке подействовать быстрее, вошёл в душевую кабинку и включил воду. Но дверцы до конца не закрыл, любуясь улыбающейся из горы пены женщиной.

– Даже не знаю, что на меня нашло...

А в следующий миг почувствовал кислый запах полупереваренной пищи, которой стошнило Виталину, и настроение стало совсем паршивым.

«Что со мной происходит?!»

Борис был в шаге от паники. Он видел перед собой пре-

красную, возбуждённую и возбуждающую женщину, но ничего не мог! Не чувствовал привычной силы! Отчаянно хотел, но ничего не шевелилось!

– Дорогой, я тебя жду... – Ксана улыбнулась, показала мужчине стройную ногу и тут же опустила её в пену. И вновь улыбнулась, чуть приподняв левую бровь. И покусав губу. – Дорогой?

– Я тоже соскучился, – рассеянно отозвался Борис, увличивая напор воды.

– Тогда иди ко мне.

– Не хочу торопиться.

– Борис? Я тебя не узнаю.

«Я сам себя не узнаю!»

Ему хотелось крепко выругаться.

– Что ты делал в командировке? Работал на урановом руднике?

– Был тяжёлый перелёт.

– Настолько тяжёлый?

– Самолёт сильно трясло...

Борис сделал воду ледяной и стиснул зубы, омываясь резкой, освежающей струёй – обычно ему это помогало.

* * *

Остановиться посередине Бородинского моста в «час пик» оказалось не просто...

Не пешком – на машине. При этом Ксана честно попыталась минимизировать ущерб от своих действий: на мост выехала в крайнем правом ряду, постепенно сбрасывала скорость с низкой до «черепашьей», едва докатилась до нужного места, но стоило ей остановиться и включить «аварийку», как сзади послышалось возмущённое гудение клаксона, и Ксане заморгали фарами, требуя ехать дальше.

Но дальше она не собиралась.

Вышла из машины, открыла капот и внимательно посмотрела на двигатель. Ксана не представляла, что именно там пытело, поскрипывало и жужжало, но точно знала, что её действия успокоят недовольных. Так и получилось. Нетерпеливый водитель кое-как вклинился в поток второго ряда, проезжая мимо Ксаны, наградил её уничижительным взглядом, но и только: ни ругаться, ни предлагать помощь не стал. Как, впрочем, и остальные водители. Может, кто-нибудь из них и не отказался бы помочь красивой женщине разобраться с технической проблемой, но Ксана демонстративно поднесла к уху телефон и отошла к парапету.

Всё нормально: женщина не может ехать и звонит в сервис.

Но прежде чем набирать номер, Ксане пришлось отыскать точку, в которую Гаап ткнул пальцем – аккуратный круглый ожог на тёмном металле. Не пятно другого цвета, а именно ожог, словно в пальце таинственного «баала» прятался электрод. Нашла, на пару секунд замерла, удивлённая, не

понимая, что делать, затем пробормотала: «Наверное, так», и приложила к «ожогу» указательный палец. И негромко вскрикнула, увидев, что на парапете высветились алые цифры телефонного номера.

«Мог бы просто оставить визитку!»

Тем не менее получилось эффектно, и, набирая номер, женщина чувствовала лёгкую робость – она впервые звонила настоящему колдуну. А тот, в свою очередь, ответил сразу, и голос его звучал дружелюбно:

– Я ведь говорил, что ты позвонишь.

– Вы меня узнали? – Ксана долго думала, следует ли говорить «вы», и решила это требование исполнить. Но титул «баал» добавлять отказалась.

– Конечно, узнал, у меня абсолютная память на голоса, – отозвался Гаап. – Доброе утро, Ксана.

– Не очень доброе, – вздохнула женщина.

– Проблемы?

– Сложности.

– Нужно поговорить?

Вопрос прозвучал легко, но Ксана понимала, что утвердительный ответ поставит её в зависимость от баала. Она признает свою слабость. Он окажет услугу и наверняка потребует плату.

Длинный человек с жёстким ястребиным лицом... Что он потребует?

Впрочем, для второй, «холодной» Ксаны, которая владела

сегодня их телом, это было неважно.

– Да, мне нужно с вами поговорить.

Он выдержал паузу, и Ксана представила ястребиную улыбку. Которая слегка смягчает жёсткое лицо. Он доволен... Впрочем, если ей что-то не понравится, она всегда может отказаться от сделки. Ведь Тьма – дело добровольное.

– Я смогу приехать на обзорную площадку Воробьёвых гор через тридцать минут, – произнёс Гаап. – Четверти часа хватит?

– На что?

– На встречу. У меня масса дел.

В его устах это прозвучало не хвастовством, а констатацией факта.

– Хватит, – решила Ксана.

– Воробьёвы горы через полчаса. – Гаап бросил трубку.

Ксана посмотрела на парапет – и цифры, и «ожог» исчезли, – усмехнулась, внесла номер в список контактов, захлопнула капот и отправилась на Воробьёвы горы. Неожиданно вспомнив, что не была на них с выпускного вечера, а точнее – с выпускной ночи, с восхитительной летней ночи, когда они, полные сил, задора и надежд, смотрели на утренний город так, словно он принадлежал им.

Словно весь мир принадлежал им.

Небо улыбалось, а поднимающееся Солнце обещало только хорошее. Они стояли у парапета, молча наблюдая за жёлтой звездой, а когда она взошла – засмеялись, запрыгали, от-

пустили шары и снова засмеялись. Мальчишки в костюмах, которые ещё не научились носить, девчонки в платьях, в разных, но одинаково прекрасных. Прекрасные девчонки...

Те мгновения остались в памяти навсегда.

А сейчас раскинувшийся под ногами город казался отражением самого себя. Отражением не в небе или реке, а в глазах людей и домов, в витринах и окнах машин, надоевший себе и самого себя пугающий.

– Ты выглядишь расстроенной. – Гаап неслышно подошёл сзади, но Ксана не вздрогнула – знала, что баал повторит трюк.

– Я зла.

– Снова? – притворно удивился Гаап. – Это входит в привычку.

– У меня ничего не получилось! – неожиданно нервно, очень-очень нервно выкрикнула Ксана, поворачиваясь к собеседнику. Сдерживаемый гнев прорвался, и перед баалом оказалась не злая женщина, а разъярённая пантера. – Ни черта не вышло! Я выгляжу полной дурой! А чувствую себя идиоткой! Меня снова унизили! Я – дура!

– Что именно произошло? – поинтересовался Гаап, машинально делая шаг назад.

– Колдовство! – рявкнула Ксана. – Оно ушло!

Её глаза вспыхнули диким чёрным огнём. Яростным, но бесплодным – за ним больше не пряталась сила.

– Как это? – баал вновь сыграл удивление.

И сыграл удачно – женщина поверила. Впрочем, сейчас она плохо оценивала происходящее.

– Вчера... – Ксана сбилась, сказала себе, что собирается рассказать незнакомому, в сущности, человеку, о своём великом позоре, хотела промолчать, но решилась продолжить: – Вчера я собиралась унижить Бориса. Я приготовила декорации, надела сексуальное бельё, такое, как ему нравится, купила его любимое вино... Я знала, что после двух дней воздержания он возбудится от одной лишь моей тени, а когда он возбудился – заставила его ослабеть. Не эмоционально – физически. Он хотел, но не мог, – чётко очерченные губы изогнулись в злой усмешке. – Я хотела утешать его, а точнее – издеваться, хотела, чтобы он лёг спать опозоренным и полночи ворочался, проклиная свою слабость, но он... Он сожрал таблетку. Я знала, что так будет, и была уверена, что смогу противостоять химии... И не смогла! Я представила, что он остаётся слабым, отчётливо представила, но ничего не получилось! Таблетка подействовала, несмотря на мои усилия! И вместо того чтобы издеваться, я отдавалась ему до утра!

– Сочувствую.

– В принципе, было неплохо.

– Поздравляю.

– Вы издеваетесь? – возмутилась Ксана.

– Нет, – качнул головой Гаап. – Я приехал, чтобы разобраться. – Он выдержал короткую паузу. – Ответь, только

честно: ты его захотела?

– Я его ненавижу, – прошипела женщина.

– Но захотела?

– Нет! – она помолчала, зло покусывая губы. – Под утро, когда Борис уснул, я попробовала заставить его девку проснуться. И тоже не смогла.

– А раньше всегда получалось? – уточнил баал.

– Всегда, – твёрдо ответила Ксана.

– Официанта ты убила?

– Официанта? – Она не сразу поняла, о чём идёт речь, а когда сообразила – вспыхнула от гнева: – Вы следите за мной?!

– Разумеется, – пожал плечами Гаап. – У тебя очень редкий дар, Ксана, поэтому я всё время буду рядом.

Несколько мгновений женщина, не моргая, смотрела на баала, после чего призналась:

– Да, убила.

– Зачем?

– Хотела, чтобы они надолго запомнили эту поездку.

– Они запомнили, – усмехнулся Гаап.

– А что происходит сейчас?

– У тебя кончился запал.

– Что это значит?

– Ты увидела Отражение, – объяснил Гаап. – Причём сделала это сама, без помощи, без проводника. Ты нырнула в настоящий, полный мир...

– Что значит «настоящий»?

Гаап сверкнул глазами – недовольный тем, что его перебили, – но ответил:

– Мир становится настоящим, когда к привычному тебе Дню добавляется Отражение. И теперь ты видишь всё вокруг таким, каким оно было задумано. Ты видишь реальным всё, что было мыслимо, и прикоснулась к силе, которая приходит со всеми отражениями разом. В ту ночь ты собрала столько силы, сколько смогла унести, но теперь эта сила закончилась.

– Она вокруг, – тихо сказала женщина. – Я чувствую.

– Верно, – улыбнулся Гаап и чуть подался вперёд. Как ястреб на курицу. – Но ты не можешь её взять.

– Почему?

– Потому, что я должен снять печать и полностью открыть тебя Отражению. А ты должна принести клятву Первородным.

– Кому?

– Мне.

Ксана посмотрела в его холодные ястребиные глаза и только сейчас поняла, что они мертвы. Нет, перед ней стоял не зомби, не оживший труп – в этом она была уверена, но внутри у Гаапа не осталось ничего, кроме Тьмы, костей и мяса. Ксана поняла, что впервые в жизни видит человека без души.

И это не фигуральный оборот.

– Ты заключил сделку с дьяволом? – едва слышно поин-

тересовалась женщина.

И увидела, как скривились бледные губы:

– Дьявол был одним из Первородных.

– Что за мир ты обещаешь?

– Мир станет твоей игрушкой.

– А я стану твоей игрушкой?

– Разве сейчас ты на вершине? – поднял брови Гаап. – Мы оба знаем, что нет. Сейчас ты не в состоянии отомстить любовнику и спишь с ним, презирая себя за это. Ты даёшь Борису то, что он хочет, и рычишь, вспоминая силу, которую потеряла. Ты помнишь, как хрипел официант, когда ты рвала ему сердце... Ты помнишь, как наслаждалась животным страхом Виталины и ступором Бориса... Ты всё помнишь. И если откажешься от моего предложения, то вскоре перережешь себе вены.

«Не перережу! У меня есть Герман! У меня есть Герман!! Моя любовь! Мой мир! Мой настоящий мир!!»

«Что он скажет, когда узнает, что ты всю ночь трахалась с Борисом?»

«Герман меня любит!»

«Что он скажет?!»

«Ничего!!»

Ксана посмотрела в мёртвые глаза Гаапа и слабо улыбнулась:

– Получается, у меня есть шанс остановиться?

– Еще никто не останавливался, – качнул головой баал.

Поправил галстук, повернулся к дороге, где его ждала машина, и через плечо бросил: – Звони, когда соберёшься принести клятву.

* * *

– Как это ты мне позвонишь? Когда? – растерялась Виталина. – И почему мы не сможем видеться какое-то время? Мы ведь работаем вместе.

– Под словом «видеться» я имел в виду то, как мы виделись в последнее время, – несколько витиевато объяснил Борис.

Однако девушка категорически отказывалась понимать намёки:

– Не будем спать?

– Да.

– Почему?

– Потому, что наши отношения запутались, – вздохнул Борис.

– Ты говорил, что собираешься её бросить, – напомнила Виталина.

«Конечно, говорил, я ведь должен был затащить тебя в постель! И я действительно её брошу. Рано или поздно я брошу Ксану, но только не ради тебя, дура крашенная!»

Так Борис подумал. Ответить же, разумеется, хотел иначе – в этом у Бориса был большой опыт, – но не успел.

– Ты с ней переспал! – догадалась Виталина.

– Естественно, переспал, – пожал плечами Борис. – Я ведь вернулся домой после довольно долгого отсутствия, она ждала, и мы... В общем, мы пока не расстались.

– Но ты обещал! – на её глазах выступили слёзы.

– Я не мог из аэропорта отправиться в гостиницу ради того, чтобы сделать тебе приятно. В конце концов, у меня есть дом...

– Но ты обещал!

– Гм...

Вот и думай теперь: то ли девочка действительно настолько наивна, то ли поездка в Париж снесла ей крышу, заставив вообразить то, чего нет и никогда не будет. До сегодняшнего разговора Виталина беспрекословно принимала правила игры «начальник-секретарша» и довольствовалась обещаниями, которые никто никогда не выполняет. Но теперь в ней что-то изменилось...

«Придётся уволить, – подумал Борис, с нежной улыбкой глядя на подругу. – Но она способна устроить скандал... Видимо, надо будет заплатить...»

Но не сейчас, потом... А сейчас Борис не мог не отметить, что Виталина выглядит гораздо лучше, чем при расставании в аэропорту: глаза блестят, влажные губы чуть приоткрыты, и даже кожа, кажется, слегка светится. Девушка привела себя в порядок и продемонстрировала любовнику все те козыри, которые некогда привлекли его внимание. Даже наде-

ла под белую блузку чёрный бюстгальтер, знала, что Борису нравится это сочетание, а Ксана никогда так не одевается. И сейчас Борис нет-нет, да бросал взгляд под полупрозрачную ткань, подмечая небольшие полушария, уютно устроившиеся в чёрном кружеве.

И потирал после этого подбородок.

Это обстоятельство, а точнее – два обстоятельства, мешали Борису повести себя с Виталиной так, как следовало: использовать наработанный за годы опыт и закончить глупый разговор конкретным решением. Эти обстоятельства заставляли Бориса вспоминать о том, что с Ксаной у него получилось лишь благодаря голубой пилюле, а горячая Виталина не оставляет равнодушным даже за столиком кафе.

К тому же они встретились неподалёку от её дома, в том самом заведении, где начался их роман: шёл дождь, он подвёз Виталину с работы, они забежали выпить по чашке кофе, разговорились и оказались у неё.

В кровати.

Сегодня дождя не обещали, но времени у них было полно – ведь на работу только в понедельник...

– Подвезёшь меня до дома? – негромко спросила девушка, и Борис понял, что она тоже вспомнила тот день. – Подвезёшь?

В ответ он медленно накрыл её руку ладонью.

– Подвезу.

Виталина улыбнулась.

– Сегодня вечером? – переспросила Ксана, медленно идя по тротуару. – Нет, Герман, боюсь, сегодня не получится.

– Ты занята?

– Увы, да.

Она ожидала вопроса: «Чем?», но Герман тактично промолчал, не дав повода усомниться в своём воспитании. Выдержал паузу, показывая, что рассчитывал на иной ответ, и негромко продолжил:

– А если я скажу, что готов задать один очень важный вопрос?

И у Ксаны закружилась голова. Так сильно, что пришлось остановиться и перевести дыхание. Так сильно, что стало трудно стоять. Так сильно, что стало понятно – это счастье.

Всё будет хорошо.

Она знала, какой вопрос прозвучит, и не сомневалась, какой ответ даст.

Всё будет хорошо.

Мир, такой злой и чёрный три дня назад, улыбнулся и ободряюще кивнул...

Всё будет хорошо.

Лучший на свете мужчина встанет на одно колено и возьмёт её за руку. Ксана представила горящие глаза Германа, почувствовала тепло его ладони, и у неё предательски защи-

пало в носу.

Завтра она станет счастливой.

Завтра, потому что сегодня нужно уладить кое-какие дела.

– Ксана? – осторожно спросил Герман, которому не понравилась затянувшаяся пауза.

– Договоримся так, – произнесла женщина, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Закажи столик на завтра в том ресторане, где мы были в первый раз. Встретимся в семь вечера, и ты задашь вопрос.

Герман догадался, что она планирует делать сегодня, поэтому спорить не стал.

– Я буду с нетерпением ждать завтрашнего вечера, Ксана, с огромным нетерпением.

– Я тоже.

– Ты сделаешь меня самым счастливым человеком на планете.

Женщина улыбнулась и отключила телефон.

Завтра Герман попросит её руки, она ответит согласием, и в её жизни начнётся новый и, возможно, счастливый этап. А возможно – самый счастливый.

«Ты знаешь Германа всего два дня», – негромко напомнила вторая, холодная Ксана.

«Тебя тоже».

«Я – это ты».

«Два дня», – с напором повторила Ксана.

«Зачем ты так говоришь?», помолчав, спросила Ксана. «А

зачем ты так сказала о Германе?»

«Я ему не верю».

«А я – тебе».

«Я – это ты. Веришь ты в это или нет, принимаешь или нет, нравится тебе или нет, но я – это ты. Я – отражение тебя в тебе. Я – твоё горе и твоя боль. Я – тьма, которую ты собрала с поверхности реки – она была твоей... нашей. Ту тьму нам подарил Борис».

«Не напоминай о нём!»

«Как ты с ним поступишь?»

Ксана замедлила ход и задумалась.

Она хотела убить подлеца. Она хотела его унижить. Но сейчас она хотела просто выгнать Бориса из своей жизни. Просто выгнать, без обид и скандалов – навсегда.

«Мне кажется, сегодня удачное время, чтобы его бросить, – улыбнулась холодному отражению Ксана. – Ночь была восхитительной, он без ума от моих умений и новой фигуры, он снова влюбился, и ему будет больно слышать, что я ухожу к другому мужчине. Который сильнее его во всех смыслах».

«Неплохая идея», – негромко одобрила холодная.

Ответить Ксана не успела: в трёх шагах впереди распахнулась дверь небольшого кафе и одновременно послышался знакомый голос. До боли знакомый. Ещё через секунду женщина увидела знакомую мужскую фигуру в знакомой одежде и встала как вкопанная. Ошарашенная и вновь опустевшая.

Безжизненно глядя на то, как Борис приобнимает белокурую девушку за талию, что-то шепчет ей на ухо и смеётся... Они смеются. Они вместе.

Они вместе...

К счастью, из кафе любовники свернули налево и не заметили застывшую Ксану.

А может – к несчастью...

Они прошли по улице и скрылись во дворе.

Пошедшая за ними Ксана остановилась, прислонилась к стене дома и покачала головой, пытаясь отогнать страшное видение. Её глаза застлала злая слёза, а перед глазами... поверх слёз или за ними... сначала расплывчато, а затем всё более и более чётко, Ксана увидела происходящее в квартире. Как будто стояла в углу комнаты, невидимая и всевидящая. Постепенно наполняющаяся Тьмой страшной обиды.

Ксана смотрела, как Борис срывает с Виталины блузку, а она расстёгивает ему брюки. Слышала шёпот:

– Вита, ты не представляешь, как я по тебе соскучился.

И её ответ:

– Мы не виделись всего день.

– Целый день! Целый!!

Борис целовал подружку с такой страстью, что Ксана едва не взвыла от ярости и обиды. Едва сдержалась, чтобы не расцарапать себе лицо, чтобы не сломать о стену ногти. До крови... До солёной крови...

Борис не просто изменял – он был по уши влюблён в Ви-

талину и только посмеётся, услышав, что Ксана уходит.

Она ощутила полнейшее бессилие.

Она ничего не могла сделать.

Только смотреть, страдать, чернеть и трястись от ненависти и злобы. От сдавливающей душу обиды. От унижения...

– Вижу, тебе не хватило подруги, – промурлыкала Виталина, лаская Бориса рукой.

– У неё нет того, что есть у тебя, – ответил мужчина. Ксана закусила губу.

– Чего же?

– Твоей красоты... твоего огня...

– Ты меня хочешь?

Дальше Ксана слушать не стала. Стряхнула видение, не сумев избавиться от принесённой им тьмы, набрала номер Гаапа и отрывисто, не здороваясь и не представляясь, бросила:

– Нужно встретиться.

* * *

Она ожидала, что окажется в старинном и мрачном особняке, возможно – в подвале, а сам особняк скорее всего будет с колоннами и скорее всего – за городом, но присланные Гаапом «сотрудники» отвезли Ксану в Оружейный переулок, к высокому, массивному дому, нависшему над Садовым угрожающей скалой стекла и бетона. И не ошиблась молодая жен-

щина лишь в том, что встреча состоялась в подвале. Можно даже сказать – в подвале подвалов. Чёрный «Мерседес», в котором были тонированы даже фары, въехал в подземный паркинг, молчаливые «сотрудники» проводили Ксану к лифту, но тот отправился не вверх, а вниз, и опускался довольно долго. А когда дверцы раскрылись, разойдясь в разные стороны, женщина увидела гигантский подземный зал, выложенный крупным серым камнем, с высоким сводчатым потолком, галереей, идущей примерно в трёх метрах от пола, и алтарём у дальней стороны. Стены украшали барельефы, на которые Ксана поначалу не обратила внимания – она искала взглядом Гаапа, – и лишь потом сообразила, что в украшении зала использовались сцены казней, пыток и свального греха. Ничего более. Только они, в исключительно разных вариациях. Причём иногда пытки и соития присутствовали на барельефе одновременно, а иногда соитие и было пыткой... Например – с драконом...

Сам Гаап обнаружился у алтаря, облачённый в длинную коричневую рясу с очень широким воротом. Подойдя ближе, Ксана поняла, что ряса сделана из грубой ткани, а подпоясывался Гаап простой верёвкой. Он сидел у стены, на каменной скамье и держал в руке оловянный кубок с водой. На появление женщины не среагировал: не поднялся, не поздоровался.

– Я пришла принести клятву, – произнесла она, глядя на Гаапа в упор.

Тот улыбнулся, смягчив черты ястребиного лица, но не

повернул головы.

– Клятву, – повторила женщина.

И опять никакой реакции.

Ксана немного подождала, недоумевая, а затем уточнила:

– Я хочу принести вам клятву, баал Гаап.

И вот тогда мужчина ответил – скрипучим голосом:

– Не только её.

– Вы хотите большего?

– Клятва – это всегда большее, – он поднялся и сделал несколько маленьких шагов вдоль стены, оставив кубок на скамье. – Клятва – это не только слова, Ксана, клятва – это покорность.

– Я понимаю, баал Гаап.

– Уверена?

До сих пор в ней говорили лютый гнев, яростная обида и жуткое унижение. До сих пор она не думала, а просто шла туда, где сможет отыскать не утешение, но месть. Ксана жаждала крови и лишь сейчас вспомнила, что всё на свете требует платы.

– Что означает покорность?

– Ты хочешь подумать ещё, или мы начинаем церемонию?

И женщина поняла, что ей предоставлен последний шанс остановиться. Самый последний. Клятва сделает её другой, отвратит от жизни, которую она вела, и подарит новый мир. Ещё не познанный, но уже пугающий. Однако сейчас это обстоятельство не имело значения, потому что Ксана знала –

клятва сделает её сильной и позволит расплатиться за пережитое.

– Я принесу клятву, чего бы мне это ни стоило, – твёрдо сказала женщина. – Мне нужна сила.

– Она туманит голову, да? – прищурился Гаап.

– Скорее, делает ясной.

– Сила позволяет добиться многого, но действительно ли ты готова заплатить любую цену за обретение возможности достичь любой цели?

– Что значит – любую цену?

– Ту, которую я назову. Ту, которую потребует с тебя Ша за разрешение пить из нескончаемого источника...

– Я уже брала силу!

– Но отказывалась меняться...

– Эта сука сопротивляется! – неожиданно выкрикнула Ксана, и Гаап рассмеялся.

– Такой ты мне нравишься больше, моя прекрасная ведьма, гораздо больше.

«Надо остановиться! – простонала про себя Ксана. – Герман...»

Но обида туманила голову и удесятряла силу холодной Ксаны. У которой раздувались ноздри от жажды крови, которая чуяла разлитую вокруг силу и стремилась к ней, для которой любая цена не значила ничего...

– Дай мне силу, Гаап, – прошептала она. – И прими мою покорность!

А силы здесь полно – сила тёмной и необыкновенно мощной энергии Ша. Сила клубилась в углах, скользила по стенам, обрамляя ужасающие барельефы резкими тенями, ласкала ноги Ксаны и поднималась чуть выше, вызывая сладкое предвкушение.

– Прими мою покорность...

Баал резко обернулся и приблизился так, что их глаза разделяло не более двадцати сантиметров. Приблизился и вцепился ей в плечо крепкими, жёсткими пальцами.

– Скажи, что ты хочешь!

– Я хочу...

– Скажи, что мечтаешь о могуществе Тьмы!

– Я мечтаю...

– Скажи, что жаждешь Зла...

«Остановись!»

Но другая, новая Ксана не среагировала на отчаянный возглас Ксаны прежней.

– Я жажду, баал, – прошептала она, преданно глядя в ястребиное лицо. Плечо пронзала боль. – Прими мою покорность, умоляю.

– Раздевайся.

Гаап не отвернулся, но Ксане было всё равно. Она чуть улыбнулась, выпрямилась, спокойно расстегнула и сбросила на пол платье, скинула туфли, поставила левую ногу на скамью и сняла чулок, затем обнажила правую ногу и лишь после этого избавилась от трусиков.

– Раньше ты носила лифчики, – заметил Гаап.

– С недавних пор я могу вновь обходиться без них, – усмехнулась в ответ Ксана и чуть качнула грудью. – Она поднялась.

– Хорошо быть ведьмой?

– Мне нравится.

– Тогда выпей.

Он указал на чашу, что оставил на скамье, но сейчас в ней была не вода.

– Это кровь?

– Ещё нет, – покачал головой Гаап. – Это Тьма и твоё Зло, женщина. Чернота Отражения и горе, которое стало ненавистью. Это твоё желание стать новой и обрести силу. Это прокисшее вино, выдавленное из отравленного винограда. Это яд, которым пропитается твоя жизнь...

Он поднёс чашу к её губам, и Ксану передёрнуло от резкого, отвратительного запаха гниения.

– Это смерть, которую ты принесёшь в мир...

Ксана сделала глоток. В голове зашумело.

– ...жестокость, которая станет твоей сутью...

Второй глоток дался труднее, внутри начались болезненные спазмы, зато голос первой Ксаны окончательно затих.

– ...твоя покорность принять из моих рук всё, что угодно!

Третий глоток получился самым кошмарным. В нём появился привкус всех смертных грехов, и, сделав его, Ксана решила, что умерла. Проклятая жидкость растеклась по телу

раскалённой лавой, сжигая всё, что было Ксаной. Не убивала – в пылающем внутри огне Ксана чувствовала новую себя и дикую, необузданную силу. Чарующую силу, обещающую невозможное могущество. Свою силу.

– Что дальше? – пролепетала она, с трудом ворочая языком.

– Дальше золото с раскалённой бронзой.

– Я должна его съесть?

– Ты должна его стерпеть.

Из маленькой дверцы вышли и приблизились женщины в чёрных одеяниях, оставляющих открытыми лишь руки и глаза. Первая несла тигель, в котором пузырилась золотая масса, в руке второй Ксана увидела стилус, больше похожий на стилет.

– Ты готова?

– Да.

Стилус погрузился в тигель, женщина чуть помедлила, позволяя Ксане «насладиться» видом расплавленного металла, а затем прочертила на её плече первую линию.

Если бы не лава, которая жгла Ксану изнутри, она ни за что не вынесла бы пытки. Раскалённое золото резануло по коже. Потом ещё! И ещё! Невыносимая боль требовала выхода, хотелось кричать, но Ксана удержалась. Сжала пальцы в кулаки, заскрипела зубами, прокусила губу, но удержалась и дождалась окончания церемонии, больше похожей на экзекуцию. Получила печать на левое плечо.

А дальше...

– Выпей вина. – Гаап вновь поднёс к губам Ксаны чашу, но на сей раз в ней оказалось плотное, терпкое и очень вкусное красное. – Тебе нужны силы.

– Для чего? – едва слышно спросила женщина.

Она едва стояла на ногах.

– Остался заключительный этап церемонии.

– Какой?

– Кровь.

– Я должна скрепить наш договор кровью?

– Да.

– Хорошо.

– Но не своей.

«Сотрудники» ввели в зал обнажённого Германа.

А Ксана даже не вскрикнула. Не смогла. Окаменела, увидев мужчину, и лишь через минуту, не меньше, сумела прошептать:

– Это жестоко.

– А я тебя не в детский театр нанимаю, – спокойно ответил Гаап.

Герман изумлённо смотрел на женщину, но молчал. Хотел что-то сказать, Ксана видела артикуляцию, но молчал – баал отнял у него голос.

Оставил только взгляд...

– Я могу отказаться? – прошептала Ксана. Та, которую ещё не сожгла раскалённая лава.

– Можешь.

– И что будет?

– Ты уйдёшь, – неожиданно для женщины ответил Гаап.

– Просто уйду?

– И будешь до конца жизни носить мою Печать, – усмехнулся баал. – И будешь плакать по ночам, вспоминая прикосновение к силе. И перережешь себе вены, меньше чем через неделю.

– Ты не можешь так поступить со мной. – Ксана смотрела на Германа, и из её прекрасных глаз текли крупные слёзы. В которых отражалась её любовь.

– Я уже так поступил с тобой.

– Пожалуйста...

– Я сделал всё, что мог – он молчит, – Гаап кивнул на мужчину. – Но можно вернуть ему голос...

– Нет! Не надо, пожалуйста, только не это!

– Согласен... – Баал нежно провёл рукой по полной груди Ксаны, задержался, чуть сдавил сосок, а потом потянул его на себя. Герман смотрел на парочку с яростью. – Ты можешь уйти, Ксана, но он останется в любом случае. Он – твоя плата за возможность обрести силу или за возможность уйти. Ты сделаешь выбор, плата будет взята. – Гаап поцеловал женщину в плечо. И вложил ей в руку кинжал. – Не ошибись.

– Гаап...

– Баал Гаап, – поправил он Ксану. – И ты должна встать передо мной на колени, ведьма.

– Я...

– Или уйти.

– Ты...

– Баал Гаап! – рявкнул Первородный.

И Ксана, трясась от сдерживаемых рыданий, опустилась на колени.

– Баал Гаап...

– Я приношу тебе клятву... – громко произнёс Первородный.

Она должна была повторять. Или уйти.

– Я приношу тебе клятву...

– ...верности...

– ...верности...

– ...почитания...

– ...почитания...

Тем временем «сотрудники» уложили Германа на алтарь и плотно затянули ремни на руках и ногах.

– Я мечтаю лишь о том, чтобы служить тебе...

– ...тебе...

– И клянусь на крови!

Она знала, что делать.

Ксана резко поднялась, в три шага приблизилась к алтарному камню, двумя руками вскинула кинжал и резко, на выдохе, вонзила его в грудь Германа.

Кровь брызнула на её прекрасные, чётко очерченные губы и мёртвые, совершенно пустые глаза.

Глаза человека, лишённого души...

* * *

Борис открыл глаза и сразу понял, что не дома: в их с Ксаной спальне окно располагалось справа, было намного больше и закрывалось бордовыми, а не жёлтыми шторами. Борис понял, что не дома, и потому испытал короткий, но очень резкий панический приступ: «Как же так?! Как получилось, что я уснул здесь?» Но через несколько секунд успокоился и принял происходящее.

Он остался у Виталины, потому что ему было хорошо.

Просто – хорошо.

В её объятиях, в её постели, в её доме. Остался, потому что не мог уйти, потому что сделал выбор.

Приступ паники прошёл, и настроение молниеносно улучшилось. Даже не улучшилось – стало прекрасным. Борис припомнил совершенно восхитительный вечер, плавно перешедший в невообразимо восхитительную ночь, страстные чувства, испытанные едва ли не впервые в жизни, и понял, что решение остаться оказалось самым правильным за много последних лет.

Он сделал выбор.

Неожиданно для себя выбрал обыкновенную девчонку, не подходящую ему ни по статусу, ни по положению. Выбрал, потому что любит.

Борис повернулся к Виталине, улыбнулся и тихо произнёс:

– Доброе утро.

– Доброе утро, милый.

Она была такая сонная, мягкая, теплая, нежная, что мужчина не удержался – крепко поцеловал Виталину. А потом ещё раз...

– Ты не опоздаешь на работу? – хихикнула девушка, почувствовав на себе его руки.

– Сегодня выходной.

– Борис?

Желание накатило так, что он не мог остановиться.

– Сегодня мы с Ксенией расстаёмся. Клянусь!

Виталина прекрасно понимала, к чему приведёт ночёвка в её квартире, и роль свою сыграла безупречно: не захихикала, ничего не сказала в адрес проигравшей соперницы, лишь тесно прижалась к мужчине и проворковала:

– Я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, – нежно ответил Борис.

Затем отстранился, чуть приподнявшись над девушкой, ласково улыбнулся и крепко сжал её шею руками. Сдавил, глядя на захрипевшую Виталину с лютой злобой, одновременно понимая и не понимая, что творит.

Он так и говорил на суде: «Я не понимал, что делал».

И был абсолютно честен.

Но ему никто не поверил.

– В эфире «Информационный марафон НСН» и я, его ведущий, Всеволод Нерознак. Главной новостью дня остаётся убийство известным бизнесменом Борисом Нельковым своей молодой любовницы Виталины Дадупленко. Как сообщила гражданская жена Нелькова, Ксения Болгарина, причиной убийства могло стать нежелание Нелькова разрывать их отношения. «Я не думала, что он так сильно меня любит», – сказала госпожа Болгарина в интервью нашему корреспонденту...

Ксана выключила радио, остановила машину в правом ряду, включила «аварийку» и вышла на Бородинский мост.

На середину.

Как тогда.

Облокотилась на парапет – как тогда, – но огляделась совсем другим взглядом: опытным, внимательным, знающим, как правильно смотреть сквозь окружающие отражения. Знающим, куда смотреть.

Ведь отражений много, они накладываются друг на друга, обновляются и отражаются вновь, умножая своё великое число. Одни отражения смеются, делая мир ярче, другие чернеют лютым злом. Одни наполняют мир, меняя его своей истиной, другие разлетаются в дым, оставляя за собой лишь сожаление об утраченном.

Как выяснить, какое отражение станет реальностью? – Пойдите! – услышала Ксана знакомый голос. —

Пойдите!

Резко повернулась и увидела себя. Мрачную, злую и полностью опустошённую, захлебнувшуюся в горе и не чувствующую ничего, кроме него. Увидела себя, в клочья разорванную проклятым видео, увидела себя, бредущую по мосту с телефоном у носа, рыдающую, жалкую...

И увидела Германа, резко остановившего машину в правом ряду.

– Пойдите! – Он подбежал, взял за руку и заставил поднять голову. Он посмотрел в её заплаканные глаза: – Что случилось?

– Не ваше дело!

Она ответила резко, с болью.

– Уже моё.

– Уйдите!

– Не уйду!

– Пожалуйста... – Ксана не выдержала, разрыдалась, держа Германа за руку, разрыдалась в голос, в крик, проклиная судьбу и мир, а потом прижалась к его плечу и затихла. Стояла, дрожа плечами и душой, но больше не рыдала.

Стояла.

Не дошла до середины моста.

Не заглянула в реку.

Не стала другой.

– Одна минута, – прошептала Ксана, глядя на несбывшееся отражение. – Герман, любимый, почему ты так задержался?

Под её взглядом отражение задрожало, покачнулось, оторвалось от реальности и медленно поплыло над мостом, чтобы рухнуть вниз и обратиться в тёмную воду.

Одна минута...

И годы по часам,
И сердце-ястребок,
Я дышу радостью,
Нет большей сладости жить.
Я дышу радостью,
Нет большей сладости жить².

² «Лети, моя душа», группа «Ночные снайперы».

МАКАМ Х ПОРТНОЙ

*Звезда должна сиять, и смерть ей не к лицу.
Я за тебя воздать был рад хвалу Творцу!
Но вынужден брать займы
Теперь у князя тьмы³.*

INGRESSO

Тишины нет.

Точнее, есть, конечно, но тишина означает опасность и требует внимательно прислушиваться к каждому шороху, шёпоту, эху – к любому звуку, способному рассказать, что на самом деле происходит вокруг. Потому что тишина означает, что кто-то затаился и ждёт, когда ты допустишь ошибку.

Какую?

Например, не заметишь того, кто затаился, и повернёшься спиной к нему. И целая жизнь окажется перечёркнутой тем, что ты повернулся спиной... Или бросил взгляд в неправильную сторону... Или на мгновение расслабился... Ма-

³ «Портной», группа «КняZZ».

лейшая ошибка, и все мечты, надежды и желания обращаются в кровь на песке.

А песок здесь всюду – на губах, руках, одежде, на ресницах... Ничего удивительного – пустыня. Песок скрипит под ногами, паутиной путается на коже, шуршит по одежде, но когда нет ветра, его можно терпеть. В конце концов, это всего лишь песок – изменчивый и скользкий, не дающий отражений, но строящий удивительные миражи, отражающие его представление о другой жизни, строящий хрупкие замки, рассыпающиеся в прах от улыбки ветра.

Но песок – младшее зло. Больше всего Кириллу Амону не нравилось то, что в пустыне стреляли. По-настоящему стреляли из всего, что удавалось сюда привезти: штурмовые винтовки, тяжёлые пулемёты, миномёты, пушки, реактивные установки – в пустыне шла война, и она вызывала у Кирилла неприязнь. Он не боялся, ему именно не нравилось происходящее, поскольку приходилось тратить время и отвлекаться на вооружённых людей.

– Кирилл, даишы, – прошептал Пэн, указывая на небольшую, из четырёх пикапов, колонну, которая как раз подъехала к деревне.

– Вижу, – так же тихо отозвался Кирилл.

– Что делать?

– Ждать. Пока они нам не мешают.

Машины остановились на окраине, не доехав до первого дома с полсотни метров, и из кузова авангардного пика-

па выпрыгнули бородатые боевики ИГИЛ⁴, которых Пэн почему-то звал «даишами». Пятеро рассыпались по сторонам, внимательно изучая окрестности, а трое встали вокруг вышедшего из кабины здоровяка с необычно светлой для местных племён бородой. В левой руке здоровяк держал карту, в правой – навигатор, и постоянно оглядывался, прикидывая расположение нужной точки.

– Они ищут то же, что и мы? – спросил Пэн.

– Да, – подтвердил Кирилл. – Но не там.

– Это хорошо...

Вооружённые мощными электронными биноклями Амон и Пэн следили за происходящим с гребня невысокого холма, скучающего в километре от деревни. А к холму они пришли ночью, со стороны пустыни, и были уверены, что ни местные жители, ни разведчики террористов их не засекали. Планировали заняться своими делами на рассвете и занялись, но появление даишей спутало карты.

Пэн втянул ноздрями воздух и усмехнулся:

– Вервольф.

– Европейец? – уточнил Кирилл, поняв, что речь идёт о мужчине со светлой бородой.

– Слишком крупный для европейских выводов, – покачал головой Пэн. – Скорее, американец.

– Он нас не учует? – Оборотни славились тонким обонянием.

⁴ ИГИЛ – террористическая организация, запрещённая на территории РФ.

– Вокруг полно людей.

– А как насчёт тебя?

Пэн едва слышно зашипел. В отличие от напарника, он принадлежал к роду сепсов – самых ядовитых змеевидов, и его запах резко отличался от человеческого.

– Мабраска спрячет.

– Будем надеяться.

Мабраска – талисман Мабраса, который носили все отличные от людей существа Отражения, скрывал и жёлтые глаза Пэна с вертикальными зрачками, и когти на пальцах, и отсутствие ушей, и, как выяснилось, запах. Амон плохо разбирался в нюансах использования талисмана, но надеялся, что напарник не ошибается.

Тем временем верфольф определился с нужной точкой, отдал приказ, и даиши вытолкали из второго пикапа рабочих с кирками и лопатами.

– У нас мало времени, – сказал Кирилл, убирая бинокль. – Через час они поймут, что копают не там, верфольф сделает поправку, увидит наши первые шурфы и прикажет прочесать окрестности.

Он говорил уверенно, потому что сам допустил такую же ошибку в расчётах и начал поиски с другой стороны дороги. А когда сообразил, где нужно копать, условная линия пустынного фронта резко переменялась, правительственные войска отступили, и деревня оказалась на подконтрольной ИГИЛ территории. Пришлось уходить. Но они вернулись,

поскольку знали, что им дышат в спину конкуренты.

– У нас есть два часа.

– Тогда хватит тратить время.

Амон и Пэн соскользнули к подножию холма и оказались у шурфа, ради которого вернулись, у шурфа, который пять дней назад привёл их в древний подземный ход. На следующий день вокруг Пальмиры начались ожесточённые бои, шурф пришлось завалить, но сейчас он снова был расчищен и манил искателей чёрной дырой таинственного прохода.

Роли распределили заранее. Пэн остался на поверхности, Кирилл же сбросил в отверстие контейнер, затем протиснулся сквозь узкий лаз, спрыгнул – потолок оказался невысоким, – и включил фонарь. Куда нужно идти, он не знал, двинулся наугад, направо, и через десяток осторожных шагов понял, что не ошибся: коридор привел Амона в комнату, вход в которую преграждала деревянная дверь с печатью принцепала Сулеймана V, правившего местными органиками с XIII по XV век. Несмотря на прошедшие столетия, дверь оказалась крепкой, а вот охранное заклинание давно истлело, и магический щит печати превратился в элемент декора.

Но Кирилл всё равно едва не завопил от радости.

Печать Сулеймана V! Все источники указывали, что именно этот принцепал был последним обладателем уникальной реликвии, которую вот уже несколько столетий искали все иерархи Отражения. Старая дверь с потерявшей си-

лу печатью обещала вспотевшему от предвкушения Кириллу невиданную добычу.

«Пора», – прошептал он себе, после чего надел на голову громоздкую конструкцию, напоминающую изготовленные в Эпоху Возрождения очки виртуальной реальности, отодвинул засов и вошёл в комнату. Или камеру, учитывая, что помещение находилось под землёй. Или погреб, поскольку предназначалось оно для хранения.

Вошёл и не удержался от восклицания:

– Есть!

И засмеялся.

Потому что победил.

Реликвия ждала Амона на прямоугольном каменном постаменте в центре комнаты. И зашипела, заставив гостя вздрогнуть от неожиданности.

– Боже, ты действительно жива! – пробормотал он, поражаясь неистовой злобе, которую древняя реликвия сумела передать без слов, одним только звуком.

Шипение повторилось. Реликвия не понимала, почему у неё не получается, рассвирепела, но сделать ничего не могла: убить наглого пришельца оказалось невозможно.

– Боюсь, сейчас ты окончательно осатанеешь, но выхода у меня нет, – пробормотал Кирилл, снимая с плеча контейнер.

Поставил его на постамент, раскрыл, медленно натянул плотные и длинные, выше локтя, резиновые перчатки, взялся двумя руками за реликвию и осторожно перенёс в кон-

тейнер. Закрыл его, снял очки, перчатки, выдохнул и вновь рассмеялся. Кирилл знал, что операция далека от завершения, что им с Пэном ещё предстоит выбраться из охваченной войной Сирии, но всё равно рассмеялся, радуясь тому, что самый важный этап завершился.

Подняв изрядно потяжелевший контейнер, Кирилл вышел в коридор и быстрым шагом добрался до лаза.

– Нашёл!

– Правда? – взвизгнул Пэн.

– Зачем мне врать?

Сепс громко прошипел пару фраз на языке змеевидов, судя по интонации – бурно радуясь, и бросил вниз верёвку.

– Давай контейнер.

Выбраться через узкий лаз с грузом за спиной не получилось бы, поэтому Кирилл обвязал драгоценную ношу верёвкой и распорядился:

– Поднимай.

– Есть...

Пэн вытянул контейнер, наклонился, освобождая его, снова бросил Кириллу верёвку, а следом – взведённую гранату.

– До встречи!

И отпрыгнул в сторону, опасаясь оказаться под осколками.

PUNTO

Рассказывают, что здешняя земля долго не соглашалась терпеть над собой камень и выстроенные дворцы гибели. Не просто погружались в землю, больше похожую на воду, а бесследно исчезали, проваливаясь в отражённое болотом небо. Рассказывают, что даже самые длинные сваи так и не нашли дна и держат город, упираясь в спины мёртвых. Ещё рассказывают, что Нева смеялась над строителями имперского града, но смирилась, поражённая их упорством, и вот уже триста лет отражает гордый Санкт-Петербург в своей суровой воде.

И с тех пор образ Города наполняет океан, разбегаясь по его течениям и протокам.

Образ крепостных стен и золотых куполов, мостов и каналов, памятников и людей, которые смотрят в задумчивые воды Санкт-Петербурга... Их отражения плывут по океану, столь огромному, что даже время иногда оставляет его за своими пределами. В океане отражения становятся самостью и обретают силу, сплетаются с образами других городов и возвращаются в мир неба, чтобы пролиться на твердь каплями бесчисленных подобий.

Капли дождя падают на камни, и хоровод начинается сначала.

А Питер любит дождь, ведь рождался под его шёпот, стонал в его грозах, рычал в его громах. Рождался под мелкую водяную пыль, рассеянную в воздухе, рождался под тяжёлы-

ми тучами. Рождался к славе и величию.

Питер любит дождь, но сегодня ограничился его паутиной, которая едва расчертила Город тончайшими серыми линиями и тут же исчезла, прихватив с собой набежавшие ночью тучи. Город ясно улыбнулся и приветствовал солнце полуденным выстрелом.

– Бытует мнение, что некроманты настолько мрачны, что не терпят ничего, кроме Тьмы и ночи, – негромко произнесла женщина, оглядываясь на Петропавловскую. – Что наш удел – кладбища и холодные склепы, и в небе мы видим только Луну.

– Разве не так? – удивился её спутник.

– Так, но не для всех. – Она легко улыбнулась, вновь взяла мужчину под руку, и они продолжили неспешную прогулку по набережной. – Мне, к примеру, нравится наше солнце: редкое и прекрасное. Я наслаждаюсь облаками, украшающими синее-синее небо, но именно облаками, не тучами, которые так часто захватывают Город. Облака переменчивы, как мир, в них есть нежность любви и романтика свободного полёта. Мне нравится думать, что однажды моя смерть сольётся с отражением облака, моя кровь сделает его розовым, словно от закатного взгляда, и может быть, оно всплакнёт... но не сильно, уронит пару капель грустного дождя и медленно полетит в океан, возвращая себе первозданную чистоту. И растворяя меня в мире...

Мужчина слушал спокойно, но вздрогнул на словах о пер-

возданной чистоте – баалы не часто произносили подобное. Юлия вновь улыбнулась.

– А что о своей смерти думаете вы, Зиновий?

– Она неотвратима, – вздохнул тот. – К сожалению.

– Неотвратима для тех, кто мыслит узко, – не согласилась женщина. – Призвание позволило мне познать все нюансы Некро, и уверяю: неотвратимость смерти сильно преувеличена. Древние бессмертны, принцепалы бессмертны, некоторые баалы Первородных и некоторые Божественные тоже бессмертны... Нас окружают многочисленные исключения из самого твёрдого правила.

– Но никто из перечисленных не насладился вечной жизнью, – обронил мужчина. – И даже Древние недавно покинули нас... Убить можно всех.

– В этом вы правы.

Зиновий, которого в отражении Города звали Портным, и Юлия, вдова Александер, встретились, как туристы, – на Адмиралтейской набережной – и теперь медленно шли в сторону Английской, не останавливаясь, но и не торопясь, поскольку на Благовещенском мосту им предстояло расстаться. Их сопровождал телохранитель Юлии – ехал в машине, не приближаясь и не привлекая внимания, отчего собеседники казались влюблёнными, вышедшими в солнечный денёк на романтическую прогулку вдоль Невы.

Но так только казалось.

– Странно, что мы с вами до сих пор не встречались.

– Я – затворник, – вздохнул Портной. – Общество меня смущает.

– Я слышала, – кивнула вдова Александер. – Мой покойный супруг упоминал, что вы предпочитаете одиночество... И высоко ценил вас, Зиновий.

– Я исполнил несколько просьб баала. В том числе – весьма сложных.

– Покойный супруг рассказывал.

Несмотря на привычку постоянно ссылаться на усопшего мужа, Юлия отнюдь не была ни скромной, ни слабой вдовой. Умная, волевая и жёсткая, она ухитрилась удержать империю Аридора Александра, отбила атаку волколаков Виктора Тагара, безжалостно расправилась с пасынком, сдуру бросившим ей вызов, и стала считаться первой среди питерских Первородных.

Но как это часто бывает, внешность вдовы Александер абсолютно не соответствовала ни её железному характеру, ни крутому нраву, ни положению в обществе. Гармонично сложенная Юлия отличалась невысоким ростом и казалась скорее хрупкой, чем полной сил, болезненной и ломкой, и впечатлению этому способствовала молочно-белая кожа, резко контрастирующая с чёрными глазами – большими и выразительными, – с чёрными волосами и траурным одеянием – строгим, несмотря на лето, платьем. В одежде вдова Александер предпочитала чёрное, носила элегантную шляпку с вуалеткой и тончайшие перчатки, поверх которых блестели

золотые перстни с чёрными бриллиантами.

Юлия любила поговорить с умными собеседниками о вещах, которые были ей интересны, но никогда не забывала о делах.

– Почему вы просили о встрече, Зиновий?

Портной кивнул, показывая, что готов перейти к серьёзным вопросам, и вежливо произнёс:

– Позвольте ещё раз поблагодарить за то, что вы согласились на неё.

– Я не могла отказать, – мягко отозвалась вдова Александр. – К тому же сегодня замечательный день и для прогулки, и для разговора.

– Для очень серьезного разговора, – уточнил мужчина и облизнул губы. – Мне нужна помощь.

Зиновий, которого в Городе звали Портным, не особенно превосходил Юлию в росте, едва дотягивая до ста семидесяти сантиметров. Был он тощим, но жилистым, скорее копчёным, чем высушенным, быстрым, но нервным. Лицо имел маленькое и морщинистое, хотя только-только менял пятый десяток. Одевался небрежно и, несмотря на тёплую погоду, плотно: растянутый лонгслив с широким воротом, потёртые джинсы и грубые башмаки. Поверх – чёрный плащ, испачканный слева белым. Зиновий носил длинные, до плеч, волосы, которые следовало бы чаще мыть, и привлекал внимание необычной татуировкой – на лбу, над переносицей, некий мастер умело изобразил Портному третий

глаз. Закрытый. О его предназначении Зиновий не распространялся.

Голос у Портного был сильным, слабым, слова без труда подхватывал даже самый лёгкий ветерок, поэтому Юлии приходилось прилагать усилия, слушая собеседника.

– Получилось так, что я стал обладателем одного известного артефакта, который в настоящее время скорее мёртв, чем жив... – сообщил Зиновий, покусывая губы. – Точнее, я не могу понять, как к нему подступиться, чтобы не испортить, и мне требуется помощь опытного некроманта. Ситуация усугубляется тем, что артефакт действительно бесценный, и я не хочу его потерять.

– Артефакт органический?

– Был... когда-то.

– Что с ним произошло?

– Его разделили.

Возникла короткая пауза, после которой Юлия замедлила шаг и негромко произнесла:

– Кажется, я понимаю, о каком артефакте идёт речь.

– У меня есть голова Медузы, – кивнул Зиновий.

– Та самая?

– Да.

Несколько секунд женщина молчала, глядя в сторону Финского залива, затем они продолжили движение. И разговор.

– Я слышала, баал Молох посылал на поиски отряд. Если

не ошибаюсь, в Ирак.

– В Сирию.

– Без сомнения – в Сирию, – согласилась вдова Александер. – Посланцы Молоха отыскиали камеру, некогда запечатанную Сулейманом V.

– Они прекрасные следопыты, – Портной позволил себе улыбку. – Молоху повезло, что ему служат столь опытные воины.

– ...но камера оказалась пустой, – закончила женщина. И дружелюбно осведомилась: – Как получилось, что вы опередили самого Молоха?

– Мои помощники приступили к работе чуть раньше.

– То есть вам повезло?

– В какой-то степени.

– Приятно, что вы говорите правду... – Вдова Александер вновь помолчала, обдумывая услышанное, – было видно, что известие произвело на неё сильное впечатление, – и через несколько секунд продолжила: – Полагаю, вы знаете, что баал Молох весьма упрям и упорен в достижении цели? Он очень хочет заполучить Медузу. А я не горю желанием ссориться с Молохом, даже несмотря на то что он живёт на другом континенте и формально не имеет надо мной власти... именно этим и обусловлен следующий вопрос: кто ещё знает о том, что вы раздобыли артефакт?

– Я и три сепса, – тут же ответил Портной. – Теперь – вы.

– Медузу отыскиали сепсы? – изумилась Юлия.

Удивление объяснялось тем, что об умственных способностях змеевидов ходили нелестные отзывы.

– С ними был человек, но он погиб.

– Очень мило с его стороны, – прошептала вдова Александер. – А каковы ваши планы?

Портной вновь вздрогнул, и в его взгляде появилась тревога:

– Вы спрашиваете, не собираюсь ли я умереть в ближайшее время?

– Нет, что вы... – легко рассмеялась женщина. – Каковы ваши планы на Медузу?

Портной с облегчением вздохнул и криво улыбнулся. Он знал, что Юлия необычайно опасна, но мог обратиться только к ней, потому что любой другой некромант её уровня уже давно пытал бы его, желая вызнать местонахождение уникального артефакта. Что же касается вдовы Александер, слухи утверждали, что она терпеть не может Молоха, и слухи, кажется, не лгали.

– Что делать с Медузой, мы с вами решим позже, – твёрдо произнёс Портной, глядя в чёрные глаза Юлии. И выделив голосом сочетание «мы с вами». – Сначала нужно определить, можно ли с ней вообще хоть что-нибудь сделать.

– Согласна, – кивнула вдова Александер. – Но теперь меня интересует технический аспект: что вы хотите сделать с Медузой?

– Дать ей новое тело.

– Зачем? – изумилась женщина. – Насколько я понимаю, её нынешний образ более чем заслужен.

– Этого хотят сепсы, которые почитают Медузу богиней, – объяснил Зиновий. – Она ведь их прамактерь.

– Так вы работаете на сепсов?

– Отнюдь, – Портной вновь облизнул губы и объяснил: – Я хочу сделать так, чтобы сепсы работали на меня. Точнее – на нас.

– До чего интересно... – протянула Юлия, просчитывая новые варианты.

– Как видите, я честен с вами.

Это замечание вдова Александер оставила без внимания.

– Вы уже подобрали тело?

– Его привезут ночью. Ткани Медузы отторгают любые чуждые клетки, поэтому я приказал отыскать прямых потомков Горгон.

– Их мало.

– Их очень мало, – уточнил Портной. – Змеевиды выслеживали добычу полгода, но не сумели поймать живой...

– Кого они нашли?

– Метиса Горгоны и человека.

– Такие бывают?

– Я ведь говорю: Горгон очень мало, приходится работать с тем, что есть.

– Вы собираетесь сшить мёртвое с мёртвым?

– Не в первый раз.

– А я должна прочистить Медузе мозги и сделать покорной нам?

– Да.

– Это вызов, Зиновий, – рассмеялась Юлия. – Передо мной давно не ставили столь интересную задачу...

«Она увлеклась, – понял Портной. – Дело сделано». Потому что все знали – Юлия Александер не просто некромант, а некромант увлечённый, она обожает эксперименты, нетривиальные идеи и видит в своём умении искусство.

– Сегодня вечером в вашей лаборатории, – деловым тоном пообещала женщина. – А сейчас простите, мне нужно покопаться в библиотеке...

* * *

Последние слова вдова Александер произнесла, стоя у Благовещенского моста.

Затем они расстались: Юлия села в машину – предупредительный Лотар распахнул дверцу и подал руку, Портной же поднял воротник плаща и быстрым шагом отправился на Васильевский, тщательно обдумывая каждое слово и каждую интонацию состоявшегося разговора.

А человек, который подслушивал собеседников, двигаясь параллельно им по Университетской набережной, сложил спрятанный под тонким плащом микрофон, вытащил наушник и развернулся в сторону Стрелки, не желая встречаться с

Зиновием. Не хотел, чтобы Портной раньше времени узнал, что тот, кого он считает мёртвым, приехал в Санкт-Петербург за тем, что считает справедливым.

* * *

Отношение к работе вещь изменчивая, сильно зависящая от разных факторов: настроения, самочувствия, атмосферного давления и последствий вчерашней вечеринки. Иногда привычная рутина приводит в неистовство и кажется невыносимой каторгой, к которой приговорили за несовершенное преступление, иногда апатия съедает эмоции, и серый цвет становится главным, иногда приходится стискивать зубы ради карьеры или дохода, а бывает так, что работа приносит радость.

Не часто, но бывает.

Однако Сергей Тыков, сотрудник таможенного поста «Торфяновка», к последней категории людей не относился и ничем не отличался от миллионов и миллионов рабочих и служащих в своём отношении к лямке, которую приходится тянуть с упорством отправившегося в кругосветное путешествие осла. Но при этом Сергею становилось скучно, когда поток желающих пересечь границу ослабевал, и в тихие дни Тыков изучал автомобили с таким тщанием, словно собирался их купить, а любой груз считал контрабандой до тех пор, пока не будет доказано обратное.

– Та-а-ак... – Таможенник оторвал взгляд от бумаг и внимательно посмотрел на Кастора. – Кунсткамера, значит?

– Да, – сухо ват ответил тот, соорудив на физиономии доброжелательно-послушное выражение, которое, как он знал, безумно нравилось мелким чиновникам по всей Земле, от аэропорта JFK до санитарного инспектора из Кейптауна.

Но на этот раз не сработало: фургон Кастора оказался первой машиной за час, да к тому же с подозрительным грузом, и скучающий Сергей решил, что такие гости заслуживают самого «тёплого» приёма.

– Везёте в Кунсткамеру? – переспросил Тыков.

– Да.

По-русски Кастор говорил гораздо лучше Влазиса, но всё равно с акцентом и потому старался ограничиваться короткими, простыми и предельно понятными ответами.

– Научный груз? – не унимался таможенник.

– Да.

– Мумия?

– Без головы, – зачем-то уточнил Кастор, задумчиво осмотрев упомянутую часть тела Тыкова, Тыков намёка не понял. А может, понял, но реагировать не стал, поскольку за годы службы смотрели на него многие и по-разному, и в том числе – враждебно, и на голову тоже. Привык.

– Куда делась? – зевнув, поинтересовался он. И побарабанил пальцами по столешнице с таким видом, будто весь Таможенный комитет Российской Федерации уже с неделю

нетерпеливо подпрыгивал в ожидании мумии и сильно расстроился, узнав, что игрушка оказалась с дефектом. – Где голова?

– Нам не сказали, – развёл руками Кастор.

– И даже без головы мумия нужна учёным?

– Безголовые везде нужны, – пробубнил себе под нос Кастор, которого стали утомлять и беседа, и собеседник.

– Что? – не расслышал Тыков.

– Представляет ценность, – опомнился Кастор.

– Понятно... – протянул таможенник. – Всё с вами понятно...

Но в действительности Тыкову было понятно далеко не всё. Во-первых и в-главных: кому нужна мумия без головы? Кому вообще нужно что-нибудь без головы? Если без головы, значит, беспорядок, а что можно сделать с тем, что не в порядке? Правильный ответ: ничего. Как можно использовать сломанное? Кому нужна мумия-инвалид? Где её покажешь? Кто за неё деньги заплатит?

Во-вторых, вызывала обоснованные подозрения и сопровождающая груз парочка – два крепких мужика, скорее похожие на громил, чем на экспедиторов. Повадками и одеждой крепыши напоминали потерявшихся во времени «быков» из прошлого века: нарочито расслабленные голоса, характерные жесты, короткие кожаные куртки, свитера, чёрные брюки, чёрные туфли и кепочки.

Кепочки!

Чутьё подсказывало, что с фургоном что-то неладно, но что именно, таможенник определить затруднялся, а пришивать к делу сомнения не имел права. Делу нужны доказательства или фальшь в документах, а с документами у подозрительных сопровождающих всё оказалось в порядке. Бумаги оформлены правильно, все возможные справки и подтверждения, которые мог запросить Тыков, прилагались, и законные основания задерживать фургон отсутствовали.

«Этнографические материалы»...

Тыков в очередной раз просмотрел бумаги.

Этнографические материалы, в скобках – мумия, вывезены из Перу. Точнее, вывезена, поскольку речь шла об одном-единственном теле. Об очень странном теле. На первый взгляд оно принадлежало молодой женщине, с крепкой грудью, тонкой талией и полными бёдрами. Но Тыков заметил, что вместо кожи тело покрывала мельчайшая чешуя, а между пальцами с острыми ногтями виднеются перепонки, небольшие, но заметные... главное же заключалось в том, что, вопреки ожиданиям Сергея, мумия не лежала в ящике, перемотанная древними бинтами – как в тех фильмах, которые Тыкову доводилось видеть, а плавала в объёмной стеклянной колбе, надёжно закреплённой в кузове цельнометаллического фургона. В оберегающем растворе, длинная химическая формула которого присутствовала в одной из справок.

«Что же это за мумия такая?»

Тыков давно служил на таможне, навидался всякого, но

подобный уродец попался ему впервые. С другой стороны, Сергей много слышал об удивительной коллекции старого музея, в который триста с лишним лет со всей Земли свозили необычные экспонаты, и в очередной раз пообещал себе сходить в Кунсткамеру. Как-нибудь...

Но вслух сказал другое:

– Откуда берутся такие твари?

– Мутации, – пожал плечами Кастор. – Неожиданные скрещивания. Из тех, что случаются раз на миллион.

Фраза прозвучала настолько неожиданно для «быка», что Тыков не удержался от удивлённого замечания:

– Вы не похожи на учёного.

– Я менеджер, – ответил Кастор, сообразив, что ляпнул лишнее. Подумал и добавил: – Эффективный.

– Обеспечиваете научную деятельность?

– Именно. Обеспечиваю, доставляю, вынимаю...

– Что?

– Я могу ехать? – поинтересовался Кастор. – Меня в музей ждут.

– Можете, конечно, – вздохнул таможенник. – Добро, так сказать, пожаловать в Россию.

И отдал документы.

– Государственная научная мысль выражает вам безмерную благодарность.

Как все мёртвые, Лотар был спокоен, молчалив, абсолютно послушен и лишён волос. Всяких. Ногти у него не росли, но сохранились, затвердев до окаменения, а волосы выпали. Мёртвые – хотя в случае Лотара уместно использовать термин «поднятые», – приобретали чудовищную силу и равнодушие к боли и продолжали оставаться живыми пятьдесят–шестьдесят лет после ритуала, для чего им требовались лишь «трупная смесь» – знаменитый эликсир некромантов – и много воды. Каждый мёртвый выпивал не менее пяти литров в день, и именно поэтому, как шутили знающие, оплотом некромантов стал Санкт-Петербург – благородный любимец дождей.

Лотар исполнял при Юлии Александер обязанности водителя, телохранителя и самого доверенного слуги. Сейчас он управлял выехавшим на Васильевский остров «Роллс-Ройсом», плавно свернул с Университетской во двор, остановил машину, выключил фары, повернулся и вопросительно посмотрел на хозяйку.

– Правильно, нам сюда, – кивнула Юлия. – Но дальше я одна.

Мёртвый поднял брови. В смысле, обозначил движение, приподняв кожу над глазами, как привык в прошлой жизни.

– Всё в порядке, – успокоила его женщина. – Портной не

осмелится меня подставить.

– Виктор? – кашлянул мёртвый, напоминая о предводителе волколаков – заклётом враге семьи Александер. И вновь намекая, что предложение приехать в Кунсткамеру ночью могло оказаться ловушкой.

– Зиновий не служит Виктору, я уверена, – терпеливо ответила вдова. – Просто Зиновий боится, что я отниму у него игрушку, вот и попросил меня прийти одну... – По губам Юлии скользнула лёгкая усмешка. – Он думает, это его как-то обезопасит.

Мёртвый ответил улыбкой, вышел, распахнул дверцу, подал хозяйке руку и уточнил:

– Время? – Он хотел знать, как часто Юлия планирует выходить на связь.

– Первый звонок через час, в половине второго ночи, – решила женщина. – Затем я скажу.

– Да, госпожа.

– Будь неподалёку.

– Да, госпожа.

Юлия приняла у Лотара саквояж с материалами и направилась к Кунсткамере, разрывая ночную тишину острым цокотом высоких каблуков. Даже сейчас, собираясь не столько на встречу, сколько на работу, вдова Александер не изменила привычке одеваться стильно и явилась в Кунсткамеру в чёрном костюме с длинной юбкой, чёрной шёлковой блузе, шляпке с вуалеткой и туфлях на шпильках. Злые языки объ-

ясняли приверженность вдовы Александер к высоким каблукам тем, что она стесняется скромного роста, но люди знающие лишь снисходительно улыбались в ответ: в Санкт-Петербурге на Юлию давно смотрели снизу вверх.

У двери вдову Александер подждал псоглавец – раб Зиновия, результат тончайшей работы по пересадке головы добермана на мускулистое мужское тело. А чтобы не смущать учёных работников Кунсткамеры необычным видом, псоглавец носил «мабраску», и все видели в нём самого обыкновенного человека унылой, ничем не примечательной наружности.

Говорить псоглавец не мог, поэтому этикет встречи был соблюден лишь поклоном, после которого раб распахнул дверь и указал на лестницу в подвал.

«Куда же ещё!» – улыбнулась про себя женщина, небрежно передала псоглавцу саквояж и вошла в Кунсткамеру.

Готовясь к встрече, вдова Александер навела справки и точно знала, где расположено логово Портного, как в него войти и выйти, в том числе – вопреки желанию хозяина. Изучила хранящие лабораторию заклинания, определила, как их преодолеть в случае необходимости, и потому чувствовала себя достаточно уверенно. Но при этом ловко, не переигрывая, изображала смущённую гостью, с интересом изучающую новое помещение. И держалась всего в шаге позади псоглавца, словно боясь потеряться.

Они спустились в подвал, прошли мимо массивной двери

в бомбоубежище и остановились у следующей, обыкновенной, рядом с которой висела дешёвая пластиковая табличка: «Этнографическая лаборатория Зиновия Зольке, доктора». Никаких других научных кабинетов в подвале не наблюдалось.

Псоглавец постучал, но сразу открыл дверь и пропустил Юлию внутрь, в первую из комнат Портного. Эту клетушку, площадью не более девяти квадратных метров, выделила Зиновию Кунсткамера, и она была полностью загромождена ужасной мебелью, оставшейся от бюрократов середины прошлого века: здесь царствовали казённые полки, скрипучие стулья с жёсткими сиденьями, два книжных шкафа и потёртый письменный стол, левая сторона которого ещё при Хрущёве была запачкана отравленными чернилами, да с тех пор не отмылась.

При появлении Юлии Портной резко повернулся, но тут же замер, замявшись, явно не зная, как себя вести, и пробубнил:

– Юлия баал...

– Я тоже рада вас видеть, Зиновий, – тактично отозвалась вдова и остановилась, сохраняя дистанцию. – У вас тут... уютненько.

Это был самый дипломатичный комплимент в её жизни.

– Да... – Портной огляделся с таким видом, словно не узнавал ничего вокруг, понял, что женщина шутит, и окончательно смутился. – Это помещение выделено руковод-

ством, сюда может зайти кто угодно, вот и приходится хранить его в столь жалком виде.

– Руководство разрешает вам курить? – притворно изумилась Юлия.

– Курить? – Зиновий проследил взгляд вдовы и увидел дымящуюся самокрутку в правой руке:

– Я задумался и совсем забыл... Вы не против?

– Не против. Мой покойный муж любил покурить душистый табак, а у вас, как я заметила, душистый.

– Спасибо... – Зиновий рассеянно оглядел самокрутку. – У меня хорошая вытяжка... Там, в лаборатории.

В ответ Юлия вновь улыбнулась и указала на плакат: «Кто ты, Ктулху?»

– Вы не знаете?

– Хочу его вскрыть.

– Ах, вот как... Для начала его нужно найти.

– Ну, Медузу я отыскал... – Портной наконец разглядел саквояж в руках псоглавца и засуетился: – Позвольте пригласить вас собственно в лабораторию, Юлия баал. Она тут... за стеной.

И подошёл к одному из книжных шкафов.

– Руководство выделило вам две комнаты? – продолжила «удивляться» женщина. – Наверняка у вас полно завистников, Зиновий.

– Руководство о второй комнате не знает, – объяснил Зольке. – Я внёс некоторые изменения в планы здания, и те-

перь считается, что за этой стеной расположено бомбоубежище. А кто будет измерять площадь бомбоубежища?

– Ловко, – оценила вдова.

– Спасибо.

Зиновий нажал на скрытую кнопку, шкаф сдвинулся, и они прошли в лабораторию. В весьма обширное помещение, в центре которого располагался крепкий стол со множеством ящиков, встроенных шкафчиков и гладкой металлической столешницей, идеально чистой, отполированной до зеркального блеска. Стол был снабжён изрядным количеством приспособлений, среди которых присутствовали лампы, как яркие, так и узконаправленные, штанги с разнокалиберными увеличительными стёклами и подставки для инструментов. А завершали композицию фиксирующие ремни для пациентов.

Или жертв.

Сейчас свободные.

Как и в кабинете, стены лаборатории оказались загромождены мебелью, но хотя полки и шкафов здесь было намного больше, из-за размеров помещения они не производили столь гнетущего впечатления. А стоящие между шкафами витрины и колбы с «опытами» привлекали внимание, превращая лабораторию в мини-музей. И вдова Александер не отказала себе в удовольствии рассмотреть одно из достижений Портного – саблезубую макаку с небольшими, но явно острыми рогами и кожистыми крыльями.

– Я делал этот проект для госпожи Элизабет, – негромко сообщил Зиновий, нервно затянувшись самокруткой. – Это третий образец... не выжил... А четвёртый, для которого я взял шимпанзе, оказался удачным.

– Муж говорил об этой работе, – кивнула женщина. – Восхищался...

– Спасибо.

В дальнем углу была оборудована «зона отдыха» – два кресла у журнального столика, в одном из которых сидел плечистый мужчина в тёмно-сером костюме и красной рубашке. Увидев вошедших, он поднялся, отдал дань вежливости, сделав три шага навстречу, и остановился, глядя на Юлию со спокойствием независимого и абсолютно уверенного в себе человека. И явно не собираясь начинать разговор, что при общении со знатным баалом граничило с оскорблением.

Вдова Александер тоже остановилась и обронила:

– Мне тут, пожалуй, нравится, – полностью сосредоточившись на рабочем столе Портного.

Тот понял, что назревает скандал, вздохнул и сообщил:

– Это посвящённый Пэн, Юлия баал, мой... компаньон.

– Посвящённый во что? – небрежно осведомилась вдова, продолжая разглядывать стол.

– Я – сепс, – с достоинством ответил Пэн.

– Посвящённый во что?

– В тайнства моей семьи.

Юлия наконец соизволила отвлечься от изучения технических приспособлений и вопросительно посмотрела на Портного, давая понять, что желает услышать ответ на вопрос. Присутствие независимого сепса, знающего тайнства семьи, она полностью игнорировала.

– Именно посвящённый Пэн доставил в Санкт-Петербург Медузу, – промямлил Зиновий, мысленно проклиная дурацкий характер компаньона. Сепсы, так же как волколаки и многие другие существа, любили показать норов, но обычно им хватало ума не злить баалов. К сожалению, обнаружение Медузы заставило Пэна позабыть, что он пока не ровня высшим грешникам.

– Я вижу, что он – змеевид, – протянула Юлия, нарочно используя далеко не самое уважительное определение всех произошедших от змей существ. И она по-прежнему обращалась к Портному. Демонстративно. – А значит, он должен приветствовать меня по Этикету Первородных. Как низший.

Это было законное, но унижительное требование. Классические правила поведения разрабатывались много веков назад, когда грешники относились к остальным существам в лучшем случае как к слугам, и в последнее время использовались лишь во время официальных церемоний, да и то не всегда. Своим требованием Юлия продемонстрировала крайнюю степень раздражения и показала Пэну, как близко он подошёл к опасной черте.

Сепс побледнел от бешенства, но спорить не осмелился и

медленно опустился на правое колено.

Юлия, не двигаясь с места, выставила перед собой руку ладонью вниз и тем окончательно добила змеевида: Пэну пришлось подняться, пройти разделяющее их расстояние, вновь опуститься на колено и поцеловать Первородной руку.

– Я с почтением приветствую вас, Юлия баал, – униженно произнёс сепс, буравя взглядом пол. – И прошу дозволения посетить ваш город.

– Люблю, когда по правилам, – светским тоном произнесла вдова Александер, вытирая руку платком. И по-прежнему глядя на Портного. – Что ещё интересного есть в вашей лаборатории, Зиновий?

– Не хотите осмотреть другие мои работы? – поинтересовался тот, желая сгладить возникшую неловкость.

Вдова бросила взгляд на витрины и запаянные колбы с «опытами» и медленно направилась к следующей:

– Вижу, вам есть что показать.

Она тоже понимала, что нужно сбросить напряжение.

– Да, Юлия баал, мне есть что показать и чем похвастать, – вновь заторопился Портной. – Я – один из лучших мастеров Отражения по созданию переделок... есть ещё два специалиста: Клейтон из Лондона и Кастро из Мехико, но первый стар и почти не работает, а второй слишком увлечён птицами. Поэтому лучшие клиенты едут ко мне. Я беру дорого, но всегда делаю то, что обещал.

Пэн открыл было рот, явно намереваясь что-то сказать,

но столь же явно передумал. Сообразил, что сейчас Юлия не хочет его слышать.

А вдова Александер увлеклась, на время позабыв о деле. Увлеклась, потому что «опыты» Зольке удивили даже её, много чего повидавшую и пережившую. «Опыт» по созданию переделок, существ, не просто сшитых из разного, но живых и способных использовать все части нового организма.

А в колбах кого только не было.

Псоглавец, подобный тому, что встретил женщину у дверей, только с головой бультерьера. Карликовый кентавр – «Мне всегда была интересна Древняя Греция», – прошелеstel откуда-то сбоку Портной. Крылатая собака. Кенгуру, верхние лапы которой были тигриными... Фантазия Портного или его заказчиков порой порождала отвратительных монстров, но все они были жизнеспособными и лишь после смерти занимали места в колбах.

– Иногда мне ставят невозможные задачи. Придумывают мечту, приходят, я говорю, что не получится, они начинают спорить, злиться... Считают, что я вымогаю деньги. Не понимают, что моё умение и моя магия работают иначе, ближе к науке, и я не способен сотворить чудо. Точнее, способен, но это уже будет не переделка, а голем, которого придется постоянно кормить магией. Не понимают... и тогда приходится звать Трезора.

– Вашего пёсика?

– Да.

Вдова наконец заставила себя оторваться от «опытов».

– Мой покойный муж говорил, что у вас интересно, Зиновий, но я не представляла насколько.

– Благодарю, Юлия баал, – склонил голову Портной.

– Это она? – Женщина кивнула на стоящий в центре стола контейнер.

– Да, – подтвердил Зиновий.

Пэн резко выдохнул, но вновь промолчал. Возможно, сожалея о собственной дерзости, но, скорее всего, злясь на Юлию за пережитое унижение.

– Откройте, – потребовала вдова. Мягким тоном, но было очевидно, что отказ невозможен.

– Открывать опасно, – не выдержал сепс.

– Разумеется, опасно, иначе зачем нам Медуза? – Юлия бросила на змеевида холодный взгляд. – В Отражении всегда опасно.

– Пэн имеет в виду, что опасно открывать контейнер, не приняв меры предосторожности, – поспешил объяснить Зиновий. – Как вы помните, смотреть на Медузу можно лишь через зеркало. В противном случае вы будете обращены в камень.

– Легенды не лгут? – прищурилась вдова.

– Ни в коем случае, Юлия баал, – твёрдо ответил Портной. И кивком указал на прекрасную фигурку попугая. Очень реалистичную. Передающую даже самые мелкие детали, на ко-

которые обычно не обращают внимания скульпторы. Каменную фигурку птицы, в глазах которой даже сейчас читались ужас и боль.

Вдова внимательно оглядела статуэтку, едва заметно кивнула, показывая, что соглашается с собеседником, и поинтересовалась:

– Как нужно защищаться?

– Есть специальные очки. – Портной выдвинул ближайший ящик стола и протянул женщине громоздкие устройства, полностью закрывающие глаза. – Сначала будет неприятно, но это гораздо удобнее, чем всё время смотреть через зеркало. И безопаснее.

А Пэн молча натянул очки на нос, показывая, как их правильно надевать.

– Хорошо. – Юлия последовала примеру змеевиды, после чего распорядилась: – Открывайте.

Портной резко поднял тяжёлую крышку, и лабораторию наполнило злобное шипение – потревоженная Медуза выразила неудовольствие.

– Так вот ты какая, – пробормотала Юлия. – Удивительно... Удивительно и прекрасно.

На этих словах Пэн улыбнулся с таким видом, словно слышал именно то, что хотел. Вдова заметила улыбку, но никак не среагировала, а сделала маленький шаг назад, выбирая подходящее расстояние для созерцания.

Медуза вновь зашипела, но на этот раз никто не вздрог-

нул.

Медуза...

Вопреки древнегреческим рассказам, её лицо оказалось прекрасным: полные, зовущие губы, чуть вздёрнутый носик, маленькие ушки, высокие скулы, чистый лоб и огромные, бесконечно огромные и очень выразительные глаза... Жаль только, что в них светилась лютая ненависть, а вместо волос на голове извивались блестящие чёрные змеи, не менее злые, чем хозяйка.

– Сколько же в ней силы, – с уважением произнесла Юлия, делая шаг в сторону. – Тысячи лет прошли, Персей давно сгинул, и прах его развеян по полю Битвы Богов, а она жива. Мертва и жива...

– Медуза слабеет, – негромко сообщил Пэн. – Если не принять меры, она не проживёт и ста лет.

– Все умирают, – небрежно напомнила королева некромантов.

– Богиня должна жить, – горячо не согласился Посвящённый.

Вдова услышала слово «богиня», но сделала вид, что не придавала ему значения. Шагнула влево, продолжая изучать голову Горгоны, и задержала взгляд на большом цилиндрическом сосуде с зелёной жидкостью, в которую был погружён шейный срез Медузы. Не спросила зачем, но заметила, что срез кровоточит.

«Интересно...»

– Что скажете, Юлия баал? – тихо спросил Зиновий.

– Пусть Трезор принесёт мой саквояж, – распорядилась вдова Александер.

Но прежде чем она продолжила, в кармане Портного зазвонил телефон.

* * *

Кирилл занял пост у Кунсткамеры вскоре после того, как подслушал разговор на набережной – боялся пропустить машину с телом. При этом он с трудом представлял, как именно захватит добычу – идея устроить в центре города перестрелку не показалась привлекательной, – и все последующие часы посвятил рассмотрению различных вариантов, включая самые фантастические. Рассматривал, взвешивал и с грустью убеждался, что стрелять всё-таки придётся...

В Петербург Кирилл отправился прямо из Сирии, не заезжая в Москву, поэтому вместо любимого «12» был вооружён заурядным «Глоком» с глушителем и искренне надеялся, что удастся обойтись в буквальном смысле малой кровью, но...

Но всё едва не испортила ведьма, шофёр которой остался дожидаться хозяйку во дворе Кунсткамеры. Его что, тоже убивать?

Откровенно говоря, Амон стоял перед крайне сложным выбором: не желая ничьей смерти, он приближался к моменту, когда чья-то смерть станет неизбежной, но, к счастью,

этот момент не настал.

Кириллу невероятно повезло: пригнавшие фургон сепсы бросили машину на набережной. Просто оставили на набережной! Сначала пытались въехать во двор, но увидев нахально припаркованный «Роллс-Ройс», сдали назад и отправились в Кунсткамеру пешком, бросая злобные взгляды на невозмутимого водителя. Лысого, словно мертвец.

Впрочем, что из себя представлял водитель, Амону теперь было без разницы.

Не веря своему счастью, Кирилл проводил змеевидов взглядом, спокойным шагом подошёл к фургону, вскрыл его, сел за руль и неспешно поехал в сторону Благовещенского моста.

* * *

А за мгновение до того, как зазвонил телефон, в лабораторию заглянул псоглавец и что-то негромко прорычал.

– Пусть войдут, – разрешил Зиновий, закрывая контейнер левой рукой и доставая телефон правой. – Алло?

Пэн стянул очки, Юлия подняла их на лоб, и все трое повернулись к дверям. Трезор внёс саквояж, а следом в лабораторию вошли двое крепких, безвкусно одетых мужчин – ширококоротых, с выпученными глазами, – в которых вдова Александер без труда опознала сородичей Посвящённого. Но более низкого происхождения, поскольку сепсы боязли-

во встали у двери и молчали до тех пор, пока не увидели вопро-
сительный взгляд Пэна. После этого доложили:

– Всё в порядке, – сказал левый.

– Доставили, – добавил правый.

– На таможене проблем не возникло.

– Как в аптеке.

– Документы идеальны.

– Правда, Кастор таможеннику не понравился, – хихикнул
правый. – Но ему пришлось нас пропустить.

– Что там за тачка поперек двора раскорячилась?

– Кто-то из наших?

– Мы не стали ругаться, чтобы не привлекать внимания.

– Молодцы, – негромко похвалил сородичей Пэн, бросив
быстрый взгляд на Юлию. – Это Кастор и Влазис, мои дове-
ренные помощники.

Змеевиды приосанились, им понравилось, что Пэн похва-
лил их перед самой Александер. Вдова знала, что должна
поддержать Посвящённого и выразить курьерам благодар-
ность, но не успела.

– Где сейчас тело? – неожиданно спросил Портной, про-
должая держать телефон возле уха.

– Что? – не понял Кастор.

– Где сейчас тело?

– В фургоне.

– Здесь есть грузовые двери? – поинтересовался Влазис. –
Цистерна довольно большая.

Пэн, различивший в голосе Портного чуть больше, чем просто любопытство, нахмурился.

Зиновий же несколько секунд по очереди смотрел то на одного низшего сепса, то на другого, после чего перевёл телефон в режим громкой связи, положил на стол и холодно велел собеседнику:

– Повтори, что ты сказал.

– Ты не один? – мягко рассмеялся мужчина. У него был бархатистый, очень приятный голос.

– Не один, – хмуро подтвердил Зиновий.

– В таком случае, доброй всем ночи.

Ответов не последовало, но неизвестный всё равно выдержал несколько секунд, демонстрируя отличное воспитание, после чего продолжил:

– Портной, я был очень, очень сильно огорчён тем, что ты приказал Пэну меня убить. А ты теперь будешь очень, очень сильно огорчён тем, что у Пэна не получилось. Я хочу, чтобы ты в десять раз увеличил мой гонорар, и пока не отдашь золото, тело, которое везли два твоих безмозглых головастика, побудет у меня.

У Посвящённого сжались кулаки:

– Проверьте!

Побледневшие сепсы выскочили из лаборатории.

Юлия проводила их неприязненным взглядом и вопросительно посмотрела на Портного.

– Это Кирилл Амон, тот человек, который должен быть

мёртвым, – объяснил Зольке, зажав микрофон телефона пальцем. – Благодаря ему мы отыскали Медузу.

– То есть не благодаря Пэну? – уточнила женщина.

Зиновий и Посвящённый переглянулись, после чего Портной дёрнул плечом и ответил:

– Нет.

И оба потупились под презрительным взглядом вдовы Александер.

– Заплати ему, – распорядилась она.

– У меня нет под рукой такого количества золота.

– Заплати завтра.

– Конечно, конечно... – Портной вновь дёрнул плечом, шмыгнув носом, но вернуться к телефонному разговору не успел: Юлия жестом показала, что не закончила, и поинтересовалась:

– Ты приказывал убить Кирилла?

– Нет.

Вдова перевела взгляд на Пэна:

– Что за самодеятельность?

– Я хотел сохранить тайну, – недовольно пробубнил Посвящённый.

– Получилось?

Пэн отвернулся. Кажется, прошипел что-то себе под нос, но очень тихо, знал, чем может закончиться открытая ссора с баалом. Юлия покачала головой, словно подтверждая себе самой некоторые истины, и вернулась к Портному:

– Как, ты сказал, его зовут?

– Кирилл Амон.

Ещё один кивок, после чего вдова потребовала освободить микрофон и громко произнесла:

– Кирилл, это Юлия Александер, ты обо мне слышал?

В ответ послышалось покашливание. Судя по всему, Амон слегка растерялся.

– Похоже, слышал, – улыбнулась вдова.

– Мало, – протянул опомнившийся мужчина. – Я не собирался в Питер, но знаю, что ваш авторитет в Городе необычайно высок.

– Очень хорошо, – одобрила Юлия. – Кирилл, я даю вам слово, что произошла досадная, неприятная для всех ошибка. Зиновий не приказывал вас убивать, да вы, я уверена, сами это понимаете. Случившееся – личная инициатива Посвящённого Пэна, но он всё осознал и приносит глубочайшие извинения. Когда вы появитесь, он выразит их лично. – Бледный от злости сепс изумлённо уставился на вдову, однако та не удостоила его взглядом. – Верните тело, Кирилл, я гарантирую вам безопасность и то, что Зиновий заплатит.

– Я не верю грешникам, Юлия баал, мне жаль. Пусть Портной готовит золото.

– Не кладите трубку, – попросила вдова.

– Почему?

– Подождите одну секунду, Кирилл. – Юлия перевела взгляд на Пэна. – Ты доволен?

– Я его найду и убью, – едва слышно прошептал тот.

– Нет.

– В смысле?

И прежде чем сепс успел осознать происходящее, вдова Александер с неожиданной силой схватила сепса за плечо, развернула к столу и резко раскрыла контейнер. Комнату разрезало громкое, злобное шипение, в котором совершенно потерялся короткий, полный ужаса вскрик.

Затем Посвящённый Пэн стал холодным и тяжёлым. Потому что обратился в камень.

– Я едва успел зажмуриться! – взвизгнул Портной.

Но Юлия пропустила его вопль мимо ушей. Закрыла контейнер и негромко поинтересовалась у невидимого собеседника:

– Кирилл, вы поняли, что произошло?

– Кажется, да, – так же тихо ответил Кирилл.

– Посвящённый Пэн поступил плохо и был наказан, – ровно продолжила вдова. – Поступите хорошо, верните тело.

Несколько секунд в трубке стояла тишина, судя по всему, Кирилл боролся с искушением принять предложение, но память о предательстве была ещё слишком сильна, поэтому он выдавил:

– Вам известны мои условия.

И положил трубку.

– Очень жаль, – почти равнодушно произнесла Юлия, поправила вуалетку и перевела взгляд на Портного, ошарашен-

но изучающего статую Пэна. – Зиновий, вам нужен садовый гномик?

– Зачем? – хрипло спросил Зольке.

– Поставите под яблоней, – пожала плечами вдова. – Или около ворот.

– Зачем вы так поступили? – взвизгнул Портной. – Зачем?

– Во-первых, он заплатил за ошибку, – прохладным тоном объяснила Юлия. – Во-вторых, он бы всё равно не согласился с суровой правдой жизни.

– У жизни есть суровая правда? – окончательно растерялся Зольке. – О чём вы, Юлия баал?

– Медуза слишком долго была мёртвой, и её мозг безнадежно испорчен, – вздохнула вдова. – Максимум, что я могу из неё сотворить – послушную мёртвую. И то для этого следует сильно постараться. Нам придётся влезть ей в голову и в буквальном смысле вдолбить в неё новые правила.

– А сепсам нужна богиня, – прошептал Портной. – Они хотят видеть настоящую Медузу.

– Именно, – подтвердила Юлия. И тут же улыбнулась. – Но всё не так плохо, Зиновий, ведь о том, что Медуза мертва и абсолютно управляема, будем знать только мы с вами. Для сепсов она станет богиней.

– Сепсы будут ей подчиняться.

– Сепсы – ей, а она – нам. – Юлия мягко провела ладонью по плечу Портного. – Но пока это всего лишь планы. Нужно уговорить Кирилла вернуть тело.

– Вы напрасно назвали своё имя, – вздохнул Зольке. – Вы его напугали, Юлия баал, Кирилл не вернётся.

– Почему?

– Потому что вы его убьёте.

И опять – пауза. Вдова испытующе посмотрела Портному в глаза и тихо осведомилась:

– Я настолько предсказуема?

– Вы – баал, – медленно ответил Зольке. – Волей или неволей он оказался на вашем пути, а значит, вы его убьёте. И то, что вы говорили о гарантиях, ничего не значит: грешникам не верят.

Потому что Первородные убивали и за меньшее.

Но был в рассуждениях Портного один нюанс: вдова Александер вошла в элиту грешников не по праву крови, а благодаря мастерству. Ещё десять лет назад Юлия была обыкновенной, не слишком везучей девушкой и понятия не имела об Отражении и о своём умении управлять тёмной энергией Ша. Ей приходилось убивать, но истинного наслаждения – подобно истинным Первородным – Юлия от убийств не получала. Правда, никому об этом не говорила.

– Есть ещё одна проблема, – дрожащим голосом продолжил Портной, боязливо косясь на каменного Пэна. – Когда я исследовал Медузу, то вскрыл срез на шее. Тот, оставленный Персеем... – Зольке помялся, не зная, как продолжить, но всё-таки бросился в омут: – Рана кровит.

– Я видела.

– Я не знаю, как можно остановить кровь, – признался Портной. – Медуза умирает.

– Сколько времени у нас есть? – неприятно спокойным тоном осведомилась Юлия.

– Не более суток.

– И когда вы собирались об этом сказать? – выдержав довольно длинную паузу поинтересовалась вдова.

– Если бы всё шло по плану, я бы и не сказал.

– Но план уже нарушен... – протянула королева некромантов, небрежно водя пальцем по идеально чистой столешнице. – Нарушен...

Портной замер, втянув голову в плечи, а затем тонким голосом предложил:

– Давайте объявим награду за голову Амона?

– В этом случае Виктор Тагар бросит на поиски всех своих волколаков, – подумав, ответила Юлия. – В результате он может добраться до Кирилла первым и обо всём узнать, а я не могу этого допустить. Тайна Медузы должна остаться тайной. Нашей тайной.

– Понимаю...

– Зиновий, – проникновенно продолжила вдова Александер, глядя Портному в глаза. – Зиновий, вы должны исправить свою ошибку.

Зольке вздрогнул и снова посмотрел на каменного Пэна. Тот, кажется, ехидно улыбнулся в ответ.

– Какую? – сглотнув, спросил Портной.

– Которую допустил ваш Посвящённый друг.

– Но ведь это он её допустил.

– Но вы привлекли Пэна к делу.

Женскую логику трудно опровергнуть, особенно если женщина – баал.

– Найдите Кирилла и тело, – сказала Юлия, снимая шляпку с вуалеткой – судя по всему, она собиралась заняться Медузой. – В любой последовательности, но помните, что мне нужно и то, и другое. Исправьте свою ошибку.

Портной кивнул, вышел в кабинет и принялся сворачивать самокрутку. Его пальцы дрожали так, что табак рассыпался трижды.

* * *

– Уехал? – горестно переспросил Кастор.

– Уехал, – равнодушно подтвердил Лотар.

Сепсы выскочили из Кунсткамеры, словно ошпаренные, галопом промчались мимо «Роллс-Ройса» и некоторое время бегали по набережной, потрясая кулаками и ругаясь. Вроде бы даже собрались подраться, но передумали, вернулись во двор, и мёртвый вышел им навстречу, понимая, что к нему будут вопросы. Но при этом расстегнул пиджак, показывая, что вооружён. Впрочем, предосторожность оказалась излишней: какими бы злыми ни были сепсы, нападать на поднятого они не собирались, прекрасно понимая, что си-

лой мёртвого не одолеть, а яд – их главное оружие, на него не подействует.

– Почему ты позволил Кириллу уехать? – поинтересовался Влазис. – Почему не задержал?

– Где стоял фургон? – осведомился Лотар.

– На набережной, – махнул рукой змеевид.

– А где находился я?

Сепсы переглянулись и дружно выругались.

Всё было плохо.

Фургон уехал, а поскольку время – раннее утро и мосты сегодня не разводили, сейчас он мог находиться где угодно, хоть в Автово, хоть в Озерках. Установленный в машине «маячок» не отзывался, тело пропало, а ближайшее будущее виделось змеевидам в самых чёрных тонах, возможно – в похоронных, поскольку Юлия Александер владела соответствующим бюро. Сепсы одновременно представили себя в лаборатории королевы некромантов и одновременно же взвыли от горя.

– Прокололись? – с безразличным добродушием поинтересовался Лотар.

– Да, – кивнул Кастор.

– Облажалась, – уточнил Влазис. – Очень крупно.

– Госпожа давно говорила, что хочет поднять сепса, – припомнил мёртвый. – Ей интересно, воспроизводится после смерти яд в боевой железе или нет?

Несколько секунд змеевиды непонимающе тарасились на

мёртвого, а затем в ужасе отскочили. Довольный Лотар вернулся в машину. Он знал, что так будет. И сепсы знали. Поэтому вновь посмотрели друг на друга, и Кастор обозначил перспективы:

– Вот нам и хана.

– Может, Пэн нас прикроет? – неуверенно протянул Влазис.

– Он сам разозлился.

– Но не настолько, чтобы убивать... – Влазис крепко, до хруста в суставах, сжал кулак. – Портной нас не тронет.

– Портного Пэн, возможно, и убедил бы, но не Юлю.

Все знали, что Юля ошибок не прощает.

Сепсы уныло вздохнули.

– Что будем делать?

– Не знаю.

– Но доложить надо.

– Пэну?

– Кому ещё? – Кастор набрал номер и удивлённо присвистнул, услышав холодный женский голос:

– Докладывайте.

– Я думал, это телефон Пэна, – растерялся змеевид.

– Мне повторить?

– Нет-нет, Юлия баал, повторять не надо... – Кастор глубоко вздохнул, пытаясь представить, что случилось с Посвящённым, и горестно поведал: – Мы не нашли фургон.

Несколько секунд вдова Александер молчала, то ли обду-

мывая, что делать дальше, то ли справляясь с гневом, после чего ровным голосом приказала:

– Позвоните Портному. Вы поступаете в его распоряжение до тех пор, пока не вернёте тело.

– А Посвящённый Пэн?

– Посвящённый Пэн не занимается поисками. Звоните Портному.

И положила трубку.

Влазис посмотрел на приятеля и вздохнул:

– Не нравится мне это.

– Она дала нам второй шанс, – пожал плечами Кастор, злобно глядя на Лотара.

– Не люблю некромантов, – ответил Влазис. – Они плохие.

* * *

Но всё, что плохо – тоже часть мира.

Не самая приятная, но обязательная, потому что вечное «хорошо» рано или поздно превратится в набившую оскомину обыденность, а возможно – в ад. Жизнь – это цепочка дней, раскрашенных во все цвета радуги, и только поэтому не надоедает. Жизнь не может обходиться без эмоций – разных, и без сюрпризов – разных: и заставляющих петь, и леденящих душу. И тех сюрпризов, последствия которых просчитать не можешь, зато чувствуешь, как шевелятся на голове волосы...

В жизни Кирилла Амона, даже в той её части, которую он помнил, сюрпризов было достаточно: проклятый старый дом, в котором он очнулся несколько месяцев назад, одинокий и потерявший память; чудовища того дома и счастливое от них избавление; смерть Древних, к которой он приложил руку – об этом Кирилл предпочитал не рассказывать; неожиданное предложение стать ведущим «НАШЕго радио», знакомство с Отражением, предательство Иолы, спасение Марси, знакомство с Авадонной и Машиной, история жуткого Театра Теней...

Сюрпризов хватало.

Но до сих пор Амону не доводилось бросать вызов баалу Первородных. И не просто баалу, а первому в огромном городе баалу, славящемуся силой и злопамятством. Кирилл сидел в машине, которую арендовал, приехав в Санкт-Петербург, барабанил пальцами по рулю, невидяще смотрел на идущих по тротуару людей и думал под громкие голоса Александра Бона, Тани Борисовой и Игоря Панькова – ведущих знаменитого утреннего шоу.

«Подъёмники» шутили, люди шли, а Кирилл никак не мог решить, бежать ему или вступить в схватку со страшной Юлией Александер, знаменитой королевой некромантов и самой могущественной женщиной Северной столицы. И периодически повторял себе, что месть действительно следует подавать холодной: если бы из Сирии он отправился в Москву, а не в Питер – горя желанием расправиться с под-

лым Пэном, – Машина наверняка помог бы ему разобраться в хитросплетении питерских взаимоотношений и составить грамотный план атаки. Но сейчас Машина ковырялся в своих любимых железяках, сидя в своём любимом жёлтом доме, а он рассорился с Юлией и угрюмо разглядывал спешащих на работу петербуржцев, совершенно не представляя, что делать дальше.

Затевая месть, Кирилл собирался убить Пэна – прощать гранату, от которой он едва успел укрыться, было нельзя, – и выяснить, собирался ли его подставлять Портной. Если не собирался – ограничиться штрафом, в противном случае – отправить вслед за Пэном. Подслушивая разговор на набережной, Амон всё внимание уделил техническим деталям, а поскольку плохо ориентировался в реалиях Отражения, тем более – в реалиях питерского Отражения, – то не понял, к кому Зиновий обратился за помощью.

И допущенная ошибка могла стоить ему жизни...

Или хуже.

«Может, имело смысл принять предложение Юлии? – в очередной раз спросил себя Кирилл и в очередной раз покачал головой: – Нет».

Амону доводилось общаться с высшей знатью Первородных, и он знал, что баалы воспринимали вставших на их пути людей как личное оскорбление, не давая себе труд задуматься о намеренности или случайности произошедшего. Баалы сильны, темны, жестоки, и верить им на слово Кирилл не со-

бирался.

Но что делать?

Самое умное – бежать.

Бежать как можно быстрее и подальше от Питера. Хотя бы в Москву, но там не просто ждать развития событий, а переговорить с Авадонной...

«Который тоже баал, – горько хмыкнул Кирилл. – И которому тоже нельзя верить».

Верить нельзя, но карлик ясно дал понять, что заинтересован в сотрудничестве, и потому, возможно, прикроет его от гнева Юлии Александер.

Второй вариант – не самый умный – заключался в том, чтобы принять бой.

«Рискованно? Ещё как. Но в этом случае всё будет зависеть только от меня...»

– Итак, если кто-то хочет узнать свою судьбу – звоните и рассказывайте о проблеме, – неожиданно услышал Кирилл и вздрогнул, отметив, как вовремя прозвучало предложение. В утреннем шоу начался интерактивный блок, который мог помочь пребывающему в сомнениях Амону. – Мы гадаем по книге, и сегодня это будет «Трактат о военном искусстве» Сунь-Цзы. Пишите нам о своих проблемах, а пока – реклама.

Кирилл улыбнулся и достал телефон.

– Ну, что, друзья, давайте гадать, – предложил Паньков сразу после того, как шоу вернулось в эфир. – И у нас есть интересный, как мне кажется, звонок.

– Какой? – поинтересовался Бон. – В чём вопрос?

– Как всегда: о жизни и смерти.

– В переносном смысле? – Таня подняла брови.

– Все вопросы так или иначе касаются жизни и смерти, – хмыкнул Бон.

– Да, да, я знаю – мы все умрём, – согласился Паньков. – Вопрос лишь в том, когда и как это случится.

– Нас об этом спрашивают? – удивился Бон.

Вместо ответа Игорь загадочно улыбнулся и нажал на кнопку:

– Итак, у нас на связи Василий, а у Василия проблема: его хотят убить. Я вас правильно понял?

– Да, – скромно подтвердил Кирилл, разумно не представившийся в эфире настоящим именем.

– Какой ужас, – прокомментировала ответ Таня.

– Давно хотят? – заинтересовался Бон.

– Больше пяти часов, – не стал скрывать Кирилл.

– И как у вас дела?

– Пока убегаю.

– Василий, вы обратились в полицию? – спросила Таня.

– Всё не так просто... – протянул Кирилл.

– Вы убегаете от полиции? – перебил его Паньков.

– Нет, что вы, я не преступник, – махнул рукой Амон. –

Просто не уверен, что полиция сможет помочь.

– Судя по голосу, вы достаточно спокойно относитесь к происходящему, – заметил Бон. – За вами гонятся убийцы, а вы звоните нам.

– А что такого в том, что я вам позвонил? – удивился Амон. – Я ведь не рассказываю, где нахожусь, а прошу совета.

– Какого? – осведомилась Таня.

– Что делать дальше?

– У вас уже была паника? – тут же спросил Бон. – Как вы отнеслись к тому, что кто-то хочет вас убить?

– Саша, зачем ты так? – укоризненно спросила Таня.

– Мне интересно.

– Скажем так: я не обрадовался, – ответил Кирилл.

– У вас крепкая психика.

– Спасибо.

– Думаете, мы вам поможем? – вернулся в разговор Паньков.

– Совет никогда не бывает лишним.

– О чём вы хотите гадать? Убьют вас или нет?

– Не могу решить: бежать или сражаться?

– Ох! – выдохнула Таня. – У вас не только психика крепкая.

И подумала, что голос просящего совета мужчины кажется ей знакомым.

– А вы можете убежать? – неожиданно серьёзно поинтересовался Бон.

– В том-то и дело, что не уверен...

– Итак, сегодня мы гадаем по книге знаменитого китайского полководца Сунь-Цзы «Трактат о военном искусстве», – провозгласил Паньков. – И вопрос нам достался подходящий: слушатель Василий спрашивает, смириться ему с тем, что его хотят убить, или сражаться? Василий, называйте страницу и строку.

– Страница шестьдесят три, – поразмыслив, ответил Кирилл. – Восьмая строка сверху.

Паньков зашуршал страницами и через несколько секунд усмехнулся:

– Интересно.

– Что там? – не сдержался Бон.

– Не томи, – попросила Таня.

– «Если запретить всякие предсказания и удалить всякие сомнения, умы солдат до самой смерти никуда не отвлекутся».

– И что это значит? – растерялась Таня. – Бежать или сражаться?

– Это значит – не думать о глупостях, – протянул Амон.

– То есть вы поняли, как поступить? – спросил Паньков, захлопывая книгу.

– Вполне, – отозвался Кирилл и улыбнулся: – Скажите, могу я попросить поставить для моего друга хорошую песню?

– Какую?

– «Портной», – ответил Амон. – Он немного в теме.

– С удовольствием. – Паньков нажал на кнопку, сбрасывая телефонный звонок, запустил трек и, убедившись, что в эфире его не слышно, пробормотал: – Странный звонок.

Бон и Таня ответили понимающими взглядами.

* * *

Звезда должна сиять, и смерть ей не к лицу.

Я за тебя воздать был рад хвалу Творцу!

Но вынужден брать взаймы

Теперь у князя тьмы⁵...

«Если запретить всякие предсказания и удалить всякие сомнения, умы солдат до самой смерти никуда не отвлекутся».

Кирилл откинулся на спинку кресла.

Всё верно. Старый умный китаец в очередной раз оказался прав, напомнив, что нет на свете ничего глупее и опаснее сомнений. Они убивают чаще, чем вражеский клинок, пото-

⁵ «Портной», группа «КняZZ».

му что мешают выстрелить первым, отнимают веру в себя и не позволяют принять правильное решение. Сомнения делают слабым. И если ты уверен, что враг не отстанет – сражайся, позабыв обо всём.

А главное – позабыв о сомнениях.

Будь они прокляты.

Сражайся!

Это опасно? Опасно. Страшно? Страшно. Зато не стыдно.

Плюнь на сомнения и сражайся!

* * *

– У вас всё в порядке, госпожа? – переспросил Лотар.

– Да, – повторила Юлия. – Всё в полном порядке. Я работаю... и я увлечена.

– Я очень рад, госпожа.

– Да... – Вдова потёрла глаза. – Я тоже.

Необходимость носить громоздкие очки была не единственным, но самым неприятным недостатком пребывания в лаборатории Портного, однако все эти ложки дёгтя не могли испортить огромную бочку мёда приподнятого настроения, в котором пребывала вдова. Юлия не солгала – она по-настоящему увлеклась. Впервые за долгое время от неё требовалось не только мастерство некроманта, но и талант, способность сосредоточиться, собрать в кулак знания, волю, мастерство, предвидение... и совершить невозможное. Требо-

валось применить то великое умение, которое некогда разглядел в испуганной Отражением девушке старый Аридор.

От неё требовалось прыгнуть выше головы, потому что Медуза умирала. А вдова Александер до сих пор не понимала, как голове удалось прожить столько веков, поскольку нанесенная Персеем рана должна была убить Горгону на месте. Но вопреки всем правилам – даже магическим! – Медуза выжила, сохранила умение обращать людей в камень, а потеряла, как в этом убедилась Юлия, только разум.

Впрочем, если верить архивным источникам, Медуза и до встречи с Персеем не отличалась ни сдержанностью, ни воспитанием, славилась яростью и не производила впечатления адекватного существа. Медузу боялись, и потому Персей, превративший чудовище в артефакт, стал героем. Но сейчас артефакт мог прийти в негодность, и Юлия делала всё, чтобы этого не произошло. Во-первых, она разбиралась с внутренним устройством то ли мёртвого, то ли ещё живого организма – эти материалы требовались Портному. Во-вторых, исследовала мозг Медузы, пытаясь понять, насколько он повреждён и можно ли использовать для управления существом современные методики некромантов.

Работа увлекала, но проклятые очки изрядно мешали, а злобное шипение, исходящее и от самой Горгоны, и от её «прически», действовало на нервы. Но Юлия справлялась. Тратила силы, но справлялась. За эти несколько часов она выжала себя практически досуха, растеряла всю Ша и меч-

тала об отдыхе, однако времени оставалось всё меньше, требовалось сделать самую тонкую работу – сплести мозг Ме-дузы с новым телом и установить над получившимся существом полный контроль, – и вдова с трудом представляла, как с этим справиться.

– Как дела дома? – тихо спросила она, бросив взгляд на вошедшего Трезора – тот принёс кофе и круассаны.

– По плану, – отрапортовал Лотар.

Псоглавец не задержался, оставил поднос и сразу вышел, и вдова очень тихо закончила:

– Будьте наготове. Уверена, у меня всё получится, и мы сможем совершить задуманное.

* * *

Кто именно создал сеть клубов «Отражение», теперь и не скажешь. Одни говорили, что не обошлось без англичан, мол, придумали в XIX веке, чтобы точно знать, где искать своих во время длительных путешествий; другие с ухмылкой уточняли, что первое упоминание трактира «Отражение» относится к XIV веку, открыт он был во Флоренции и скорее всего на деньги Медичи; третьи многозначительно сообщали, что сеть появилась ещё раньше, когда Мамона увлекался путешествиями и периодически страдал от плохой кухни.

Как это часто бывает, подлинная история навсегда зате-

рялась в далёком прошлом и вряд ли её знали даже нынешние владельцы сети, зато заведение под названием «Отражение» без труда находилось в любом мало-мальски крупном поселении. Где-то это был роскошный клуб в центре города, где-то – скромный бар на окраине рабочей слободы, где-то придорожная забегаловка, где-то – кафе при гостинице, а объединяли их название, написанное одинаковым шрифтом, и нежелание привлекать к себе внимание. Настолько сильное нежелание, что в Питере, к примеру, бар «Отражение» располагался в подвале под знаменитым арт-кафе на Фурштатской, и чтобы попасть в него, нужно было пройти в одну из дверей «Только для персонала», спуститься на два пролёта по узкой лестнице, показаться хмурому охраннику, который безошибочно отличал отражённых от заблудившихся, и лишь после этого очутиться в обширном сводчатом зале, тихом и гулком.

По причине неурочного часа посетителей в «Отражении» оказалось всего двое: в дальнем углу грыз рёбрышки волк-лак – его широкое лицо блестело от размазанного по щекам жира, а у самых дверей читала утреннюю газету чопорная дама в тёмно-синем. На её столике остывала чашка кофе. Бармен скучал и встретил Зольке с искренней радостью.

– Кого я вижу! – прогудел он с такой силой, словно проглотил Иерихонскую трубу. – Сам господин Портной пожаловал в нашу скромную обитель.

– Вольно, Михалыч, – пошутил в ответ Зиновий. – Не

нужно подхалимажа.

Грандиозный бармен, настолько высокий и крупный, что посетителей встречал не столько он, сколько его пузо, считался легендой Питера и визитной карточкой «Отражения». Здоровенный, бородатый, он всегда облачался в бандану, безразмерные джинсы и заляпанную майку с надписью «Кандидат на вылет», которая идеально гармонировала с бесчисленными татуировками.

– Давненько ты к нам не заходил, – продолжил гудеть бармен, машинально протирая стойку полотенцем.

– Повода не было, – попытался отмахнуться Зиновий, не имеющий ни времени, ни настроения шутить.

Но отмахнуться не получилось.

– Какой нужен повод, чтобы выпить кружку пива? – осведомился бармен.

– Жажда.

– То есть ты не испытывал её целых четыре месяца?

– Ты помнишь, когда я заходил в прошлый раз? – удивился Портной.

– Ну, ты фигура известная, а для нашего бизнеса нет ничего лучше, чем знаменитые клиенты, с которыми гости могут сделать селфи.

– Неужели «Отражение» перестало пользоваться популярностью?

– Мир не стоит на месте, – вздохнул здоровяк, почёсывая пузо. – Народ ищет нового, вот и приходится шагать в ногу

со временем: разрешаем селфи-палки, пускаем бородатых, начали варить крафтовое пиво...

– На мухоморах? – пошутил Зиновий.

– И на них тоже, – не стал скрывать Михалыч. – У меня сейчас два поставщика, один работает с классическими рецептами, второй любит экспериментировать. Хочешь попробовать «Гнойный эль»? Первая кружка за счёт заведения.

– Что будет после?

– В голове станет пусто и начнешь говорить со странным акцентом.

Прозвучало сомнительно, и Портной счёл за благо отказаться:

– Потом попробую.

– Меню тоже обновляем, – продолжил Михалыч. – Рекомендую хит сезона: крафтовый бургер «Щупальца коррупции».

– С козлятиной?

– С губернятиной. У чиновников часто что-нибудь отрезают, когда они палятся, вот я и решил, что грех добру пропадать.

– Прагматично, – усмехнулся Портной.

– Хорошо, когда городом правят осьминоги, – прищурился бармен. – У них сколько ни отрезай – всё равно вырастет новое.

– Эти бургеры будут вечны.

– Попробуешь?

– Мне не нравятся осьминоги, они жёсткие и скользкие.

– Эти хорошие, – здоровяк зевнул, прикрыв рот огромной ладонью. – Коррупция делает их мягкими и податливыми.

– Ну, давай твою губернятину, – решил Портной, вспомнив, что ещё не завтракал. А вечером не успел нормально поужинать. – Приобщимся к городской политике.

Михалыч вытащил из холодильника увесистое щупальце с надписью «Стадион», отрезал щедрый ломоть и бросил на гриль.

– Чем запьёшь?

– Пиво, – выбрал Зиновий и тут же добавил: – Только без мухоморов.

– Не хочешь расслабиться?

– Рано ещё.

В баре запахло жарящейся коррупцией.

– Зачем пожаловал? – перешёл к делу Михалыч. – Я ведь знаю, как сильно ты не любишь выбираться из Кунсткамеры.

– Стало скучно. – Портной выложил на стойку золотой софрен.

– И как желаешь повеселиться?

– Хочу устроить вечеринку со старым другом. Он недавно приехал в Город.

– Как зовут?

– Кирилл Амон.

– Попробую навести справки, – пообещал Михалыч, не прикасясь к золоту. – Зайди на днях.

Зиновий выложил на стойку ещё одну монету.

– Вечером, – без уверенности пообещал бармен.

– Не жадничай.

– Требуется доплата за скорость.

– Ладно. – Портной неохотно добавил третий кругляш.

– Ваш знакомый по-прежнему в Городе, – скрипучим голосом поведала чопорная дама и сделала маленький глоток кофе. – Сейчас он на Литейном.

– Где именно?

– Ваш знакомый ловко скрывает своё местонахождение, поэтому особой точности не ждите.

– Ладно... – протянул Зиновий. – Как долго я на абонементе?

Но дама уже вернулась к газете, и за неё ответил Михалыч:

– Сутки, – произнёс бармен. – Потом придётся доплатить.

И выставил тарелку: – Твой бургер.

Коррупция выглядела так привлекательно и пахла так аппетитно, что Зиновий схватил бургер сразу, едва увидел. Схватил, крепко сжал и впился зубами, ощущая вкус мяса и соуса. Осьминог действительно оказался мягким и податливым, честно отрабатывающим вложенные деньги.

– Мёртвые беспокойны, – произнёс Михалыч, облокачиваясь на стойку.

Произнёс очень тихо, только для Зольке.

– В смысле? – спросил тот, не прекращая жевать.

– Говорят, Юлия вчера уехала на Васильевский остров и

до сих пор не объявлялась.

– С ней всё в порядке.

– Но её мёртвые собираются на Большой Конюшенной, – ещё заметнее понизив голос, сообщил бармен. – Их не очень много, не как для войны, но больше, чем должно быть. Есть ощущение, что собираются они не просто так.

– А для чего? – прошептал Зольке, глотнув пива.

В ответ Михалыч пожал могучими плечами.

– Если бы знал – сказал, но ты будь осторожен, Портной, Юлия сумела прибрать к рукам бизнес семьи Александер и приструнила волколаков Виктора Тагара так, как даже старику Аридору не удавалось. Юлия очень опасна.

– Я тебя понял, – протянул Зиновий, жуя бургер. Однако навалившееся ощущение опасности перебило изумительный вкус коррупции. – Почему ты меня предупредил?

– Это бонус от Учётчицы, – объяснил бармен. – В последнее время к ней не часто обращаются и не так щедро платят.

– Скупой платит дважды.

– А мёртвый не платит вовсе.

– Спасибо. – Зиновий вновь хлебнул пива. – Крафтовое?

– Да.

– С чем?

– Ни с чем, классический лагер.

– И это хорошо.

– Кирилл Амон находится между сорок девятым и пятьдесят пятым по Литейному, – неожиданно произнесла Учёт-

чица, не отрываясь от газеты. – Я не знаю, сколько он там пробудет.

* * *

«Театр? Спортивный магазин? Женское белье?!»

На фасаде пятьдесят первого дома по Литейному проспекту располагалось несколько вывесок, но ни одна из них Кирилла не устраивала. Он понимал, что нужный магазин не может существовать под истинным обликом, и пытался угадать, какое прикрытие избрали владельцы. То есть был вынужден угадывать, поскольку вредный Машина на этот вопрос не ответил.

Приняв решение сражаться, Кирилл сразу позвонил другу и поинтересовался, где в Питере можно купить толковое оружие. Ермолай машинально назвал адрес, но через секунду опомнился и осведомился, почему Амон в Питере, а не в Сирии. Кирилл сказал, что «Появилось небольшое дельце», и попросил уточнить насчёт магазина. Машина попросил уточнить насчёт дельца. А когда Амон отказался – тоже замолчал.

Пришлось разбираться самостоятельно.

«Вряд ли оружейный магазин прикинулся театром. Хотя... их товар легко сойдёт за реквизит к сказочной пьесе... Нет! Владельцы – люди серьёзные, а значит, выберут нечто совершенно безобидное».

И Кирилл решительно шагнул в магазин белья. Услышал тренькнувший над головой колокольчик и улыбнулся вышедшему из подсобного помещения продавцу – в начале встречи не помешает продемонстрировать дружелюбие, и медленно прошёл вдоль выложенных парадным строем бюстгальтеров, от игрушечных первых, до солидных шестых, остановился и задумчиво пробормотал:

– Чижик-пыжик, где ты был? На Фонтанке водку пил...

– Неожиданно вспомнилось? – осведомился продавец.

И ехидно посмотрел на выложенные под бюстгальтерами стринги.

Владелец – или менеджер – салона нижнего белья оказался интеллигентного вида мужчиной за пятьдесят. Он был облачён – не одет, а именно облачён – в элегантный костюм-тройку, белоснежную сорочку, галстук и лакированные туфли. А если добавить к облачению безукоризненную причёску, идеально подстриженные усы и твёрдый, словно отчеканенный на Монетном дворе, профиль, то можно было предположить, что Амон повстречал особу дворянских кровей.

– Я читал, что эта песенка появилась из-за студентов Императорского училища правоведения, – негромко ответил Кирилл. – Форма студентов цветом напоминала оперение чижа, они носили пыжиковые шапки...

– ...и пили водку на Фонтанке, – закончил продавец.

– Именно.

– Это известная, весьма распространённая... легенда.

– Поэтому мне больше нравится другая история, – медленно продолжил Амон. – Согласно ей, песенку придумали дружки Ивана Ивановича Чижова, владельца оружейного магазина на Литейном, большого ценителя льежских стволов.

– А пыжик при чём? – осведомился продавец.

– Пыжик – от слова пыж, – объяснил Кирилл.

– Никогда не слышал этой версии происхождения песни.

– Жа-аль...

– Трусики примерять будете?

– Не уверен.

– В таком случае всего хорошего, молодой человек. До свидания.

– Я, пожалуй, задержусь, – улыбнулся Кирилл, и по его пальцам пробежал золотой кругляш.

Продавец с пониманием приподнял правую бровь:

– Крюгерранд?

– Я знаю, с чем нужно приходить в некоторые магазины, – ответил Амон. – Вас зовут Иван Иванович?

– Я – внук того самого Чижикиа.

– Приятно познакомиться, Иван Иванович, меня зовут Кирилл.

– В каком путеводителе вы обо мне прочитали?

– В отражённом.

– В таком случае, добро пожаловать.

– Я надеялся услышать эти слова.

– Что вам угодно, молодой человек? – перешёл к делу продавец.

– Не трусики.

– Я догадался, – кивнул Чижов. – На кого охотитесь?

– На очень живучего противника.

– Быстрого?

– Да.

– Человек?

– Поднятый.

– С поднятыми сложно, – вздохнул продавец. – Мертвеца трудно убить.

– К сожалению, нам не дано выбирать врагов, Иван Иванович.

– Ошибочное суждение, молодой человек, весьма ошибочное, – рассмеялся в ответ Чижов. – Мы не можем выбирать друзей, ибо верность и взаимная приязнь – слишком тонкие материи, идущие прямо отсюда, от сердца... – Он прикоснулся к груди. – И потому друзья всегда внезапны. Что же касается врагов, их выбор определён разумом и холодным расчётом. Любую схватку можно предотвратить: договориться, извиниться, поискать компромисс или сбежать. Если ты не совсем идиот, то обязательно задумаешься об этих вариантах, и если всё-таки дерёшься – твой выбор есть результат расчёта.

– Все оружейники, которых я встречал, склонны к фило-

софии, – заметил Амон.

– Приближение смерти заставляет людей задумываться о высших материях, а для нас она – соседка, всегда рядом, даже когда не хочешь видеть... – объяснил Чижов. – Так что вам угодно, молодой человек, и угодно ли вообще?

– Мне нужен пистолет, подготовленный для боя в Отражении, и патроны к нему.

– Есть закалённый шаманами ирокезов «Ле Ма», – тут же ответил Иван Иванович. – Оружие тяжеловато, на любителя, но убойное, а главное – с секретом: каморы снаряжаются патронами на человека и другую мелкую дичь, а гладкоствол – зарядом на мертвеца. Сколько будет поднятых?

– Скорее всего один.

– Тогда «Ле Ма» подойдёт. Главное – не промахнуться.

– Не промахнусь, – пообещал Амон.

– Прошу вас, проходите.

В небольшом подсобном помещении, в которое продавец проводил Кирилла, обнаружили письменный стол со «спящим» ноутбуком, кресло и два резных шкафа с глухими дверцами.

– Основной арсенал я держу в подвале, – сообщил Чижов, доставая из жилетного кармана ключи. – А здесь только то, что может понадобиться в любой момент. Некоторые образцы.

Как выяснилось, «в любой момент» Ивану Ивановичу могла понадобиться небольшая, на двенадцать стволов, кол-

лекция револьверов и пистолетов, включая миниатюрный «Дерринджер» и знаменитый «Маузер» К-96; шесть или семь ножей разной формы; два гладкоствольных дробовика и четыре карабина.

Что же касается второго шкафа, то им, по всей видимости, владело дамское бельё.

– А вот и «Ле Ма», – произнёс старик, доставая изящный деревянный футляр.

– Нож прихватите, пожалуйста, – попросил Амон, указывая на один из клинков. – Пригодится.

– Прекрасный выбор. – Иван Иванович водрузил футляр на стол, надел тонкие тканевые перчатки и откинул крышку. – Прошу.

В первый момент револьвер показался Кириллу громоздким: большой барабан, сложная механика, два ствола... Но потом он вспомнил слова Чижова и решил промолчать. В конце концов, старик – потомственный оружейник и вряд ли посоветует плохое.

– В барабане девять патронов тридцать шестого калибра, – сообщил Иван Иванович, бережно вынимая револьвер. – Калибр невелик, знаю, но я лично разработал весьма неплохой боеприпас для этого оружия и даю слово, что ваши враги останутся... недовольны.

– Надеюсь.

– Гладкий ствол – сорок четвёртого калибра. Патроны для него вы отличите без труда.

Боеприпасы лежали тут же, в футляре, не меньше полусотни патронов для барабана и два десятка важных снарядов для второго, гладкого ствола, на который этот самый барабан садился.

– Сколько я вам должен?

– Семь кюгеррандов.

Кирилл принялся отсчитывать золотые монеты, а продавец вернул оружие в футляр, закрыл крышку и осведомился:

– Бантиком перевязать?

– Это не подарок.

– Потребуется ли кобура?

– Бесплатно? – шутливо осведомился Амон.

– Бесплатно я могу подарить понравившиеся вам стринги, – усмехнулся Иван Иванович. – Кобура для «Ле Ма» обойдётся в соверен.

– У меня нет мелких монет.

– Будете должны.

Кирилл вышел в торговый зал, к бюстгальтерам и стрингам, Чижов же задержался, разыскивая кобуру, а когда проследовал за покупателем, увидел сепсов с пистолетами на изготовку и поднявшего руки Кирилла. Остановился, понял, что змеевиды не собираются ему угрожать, с облегчением выдохнул и улыбнулся клиенту:

– Кажется, вас опередили.

– Увы, – вздохнул Кирилл. – Я недооценил противника.

– Сожалею.

– Вы ведь не станете его защищать? – поинтересовался Кастор, не направляя, впрочем, на продавца оружие. Он знал, что знаменитая питерская вежливость имеет чётко определённые границы.

– Мы только что познакомились и не успели подружиться, – ответил Чижов.

– Очень хорошо.

Влазис убрал пистолет и защёлкнул на руках Кирилла наручники.

– Пошли в машину.

– Он вам ничего не должен? – поинтересовался у продавца Кастор.

В действительности сепс не отличался хорошим воспитанием, но находился в чужом городе, получил от Портного наказ вести себя вежливо и старался изо всех сил.

– Я должен, – ответил Чижов, протягивая Кастору футляр. – Перед вашим появлением Кирилл приобрёл револьвер «Ле Ма». Это его собственность.

– Какой чудесный город, – с чувством произнёс Кастор, прибирая футляр. – Всего хорошего.

– Прощайте.

Змеевид вышел из магазина, плюхнулся на пассажирское сиденье и повернулся к Кириллу, которого Влазис запихнул на задний диван.

– Где тело?

– Я уже спрашивал, – сообщил Влазис. И указал на по-

завившуюся на скуле Кирилла ссадину.

– Рад за тебя, – буркнул Кастор. И повторил: – Где тело?

– Спрятал, – хмуро ответил Амон.

– Мне он сказал то же самое, – хмыкнул Влазис. – За что и получил.

– Где спрятал? – уточнил Кастор, наградив сородича недозвольным взглядом.

– Возле Кунсткамеры.

– Упс! – Судя по восклицанию, задать следующий вопрос у Влазиса ума не хватило.

– Почему там? – насторожился Кастор.

– Я думал, будет погоня, – спокойно объяснил Кирилл. – Не хотел рисковать, поэтому спрятал фургон в контейнере на территории Балтийского завода и уехал на своей машине. Кто же знал, что вы не сумеете сесть мне на хвост.

Сепсы переглянулись, но промолчали.

Амон приятно улыбнулся.

Кастор с трудом сдержался, чтобы не ударить его во вторую скулу, достал телефон и набрал номер Портного:

– Фургон на территории Балтийского завода.

– Отлично, – бодро отозвался Зиновий. – Я знал, что вы справитесь. – Кастор расплылся в самодовольной ухмылке. – Кирилл жив?

– Да.

– Забирайте фургон и быстро ко мне.

– Хорошо, но быстро не получится – город в пробке.

– Тогда мы заберем фургон сами.

Портной отключился. Кастор убрал телефон, перевёл взгляд на Амона и сообщил:

– Жить тебе, придурок, ровно столько, сколько нам ехать по Невскому.

* * *

– Тяжело? – негромко спросил Портной.

– Нормально, – коротко отозвался Лотар. Очень коротко, потому что спускаться по лестнице с массивным стеклянным цилиндром на спине было, мягко говоря, неудобно. Однако от помощи мертвец отказался, объяснив, что в одиночку справится быстрее.

Фургон они с Зиновием отыскивали именно там, где указал Амон – в большом морском контейнере на территории Балтийского завода. Необходимые для выезда документы лежали на сиденье, поэтому Лотар без проблем доехал до Кунсткамеры, припарковался во дворе и теперь тащил добычу в лабораторию.

– Что это? – изумлённо поинтересовался встретившийся по дороге аспирант, разглядев содержимое цилиндра. – Что за тварь?

Из-за вмешательства Кирилла тело пришлось переносить в разгар рабочего дня, но поступить иначе Зиновий не мог – время работало против него. И если охранникам оказалось

достаточно грамотно оформленных документов, то дурацкие расспросы «коллеги» стали естественной платой за принятое решение.

– Сам пока не знаю, – отрывисто ответил Портной. – Из Перу прислали.

– Амфибия?

– Буду проверять.

– Морское или пресноводное?

– Пресноводное.

– Живородящее?

Было видно, что аспиранту безумно интересен удивительный научный экземпляр, но затягивать разговор Зольке не собирался.

– Пришлю ссылку на статью.

Аспирант понял, что мешает, вздохнул, остановился и спросил:

– Можно потом зайти?

– Конечно, – вежливо ответил Портной, закрывая перед его носом дверь в кабинет. Трезор тут же открыл потайной проход, и Зиновий распорядился: – Поставь рядом со столом.

Лотар медленно развернулся и осторожно опустил цилиндр на пол.

– Можешь идти, – кивнула вдова Александер, не сводя глаз с обнажённого женского тела.

Мёртвый послушно вышел, псоглавец последовал за ним,

и Портной с Юлией остались наедине с Медузой. Пока ещё разобранной.

– Я исправил свою ошибку? – с плохо скрытой тревогой осведомился Зиновий.

– Почти полностью, – с улыбкой ответила вдова.

– А когда исправлю?

– Когда объём Кирилла.

Портной догадывался, что услышит именно это, и не удивился.

– Да, Юлия баал.

Женщина хрустнула пальцами, взяла в руки кожаный фартук и спросила:

– У вас всё готово, Зиновий?

Зольке быстро оглядел разложенные в рабочем порядке инструменты и кивнул:

– Да.

– Тогда начнём... – Юлия накинула фартук. – Доставайте тело.

Портной подставил к цилиндру крепкую низенькую скамейку, отстегнул зажимы, отвинтил и снял верхнюю крышку, поколебался, но запустил руки в раствор, подхватил тело под мышки, вытащил и зафиксировал на столе ремнями. После чего отодвинул цилиндр к стене и отправился мыть руки. Юлия взяла шланг и стала смывать с тела раствор.

– Сколько времени вам нужно, чтобы... – вдова сбилась, – ...чтобы собрать Медузу?

– Минут тридцать–сорок, если поторопиться, – ответил Зиновий. – А что происходит у вас?

Вдова не докладывала компаньону о своих действиях, пришлось набраться храбрости и уточнить самому.

– Сейчас я погрузила Медузу в короткий сон и продолжу заниматься её мозгами после того, как голова обретёт тело...

– Юлия помолчала. – Пока всё идёт не так хорошо, как хотелось бы.

– Вам не удаётся вернуть ей разум? – тихо спросил Портной.

– Плевать на разум, – жёстко отозвалась вдова. – Она по-прежнему неуправляема.

И замолчала, показывая, что не хочет продолжать разговор.

Зиновий выключил воду и принялся старательно вытирать руки полотенцем. Казалось, он должен был полностью сосредоточиться на предстоящей операции, но в действительности Портного мучили два вопроса: почему Кирилл оставил столь ценную добычу чуть ли не у порога Кунсткамеры? Для чего вдова Александер призывает мёртвых?

* * *

– Полчаса позора, и мы на Невском, – прокомментировал дорогу, а точнее – бесконечную автомобильную пробку, сидящий за рулем Влазис. Город то ли издевался, то ли подсме-

ивался над незадачливыми змеевидами, но как только они отправились в путь, Литейный обратился в стоячий ад. Первое время Кастор ругался, спрашивал у Влазиса, почему тот выбрал именно эту, самую дурную из возможных дорогу, но, посмотрев навигатор, успокоился: центр Санкт-Петербурга застыл всей географией.

Сепсы смирились, и Кастор вспомнил о шкатулке с оружием.

– Хорошая пушка, – произнёс он, разглядывая, но не вынимая из футляра револьвер.

– Старая, – скривился Влазис.

– Наверняка закалённая... Она закалённая?

– Шаманами ирокезов, – подтвердил Кирилл.

– «Ирокез» – это прическа. Не знал, что у цирюльников есть шаманы.

Кастор и Амон несколько секунд рассматривали выдавшего эту сентенцию Влазиса, после чего змеевид кашлянул и уточнил у Кирилла:

– Хотел завалить Юлию?

– И её тоже, – подтвердил тот.

– Зачем?

– Я испортил ей вечеринку, и она разозлилась.

– Зато теперь обрадуется.

– Почему вы работаете на неё?

– Не твоё дело! – рявкнул Влазис.

– Наши взаимоотношения тебя не касаются, – гораздо

вежливее добавил Кастор.

Но по его тону Амон понял, что сепс не против поболтать, и потому продолжил:

– Во-первых, мы плотно стоим в пробке и мне до ужаса скучно, – произнёс Кирилл, откидываясь на спинку диванчика. – Во-вторых, меня сегодня убьют, вы сами сказали, так почему не потрепаться перед смертью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.